

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «ВОРОНЯТА»

МЭГГИ СТИВОТЕР

ГРЕЙУОРЕН

Мэгги Стивотер
Сновидец. Грейуорен
Серия «Young Adult.
Бестселлер Мэгги Стивотер»
Серия «Мир Воронят»
Серия «Сновидец», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68821590
Сновидец, Грейуорен / Мэгги Стивотер ; [перевод с английского Т.
Полячук]: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-175500-3

Аннотация

«Это история о братьях Линч. Все они были созданы снами». НИАЛЛ и МОР сбежали из родной страны, чтобы начать новую жизнь. Но запутались и потеряли себя. ДИКЛАН вырос ответственным сыном и заботливым братом. Но понял, что не знает, как обеспечить безопасность своей семьи. РОНАН всегда жил на границе между сном и явью. Но теперь она стерлась, и он провалился в пустоту. МЭТЬЮ был счастливым ребенком. Светлым и жизнерадостным. Но в нем проснулся бунтарь, потому что теперь все кажется иллюзией.

Эта Вселенная не подходит семье Линч. Семье, обладающей силой создавать и разрушать. Если они не смогут спасти друг друга... мир обречен.

Содержание

Пролог	7
1	11
2	20
3	21
4	32
5	42
6	56
7	69
8	81
9	95
10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Мэгги Стивотер

Сновидец. Грейуорен

*Каждому читателю, который хоть раз
просыпался среди перьев и цветов*

*Только уделяя достаточно времени
пристальному изучению объекта, анализируя
формы и края теней, а также отмечая
их соотношение со светом, вы добьетесь
убедительного сходства.*

*Уильям Л. Мохан, «Подробное Руководство по
Рисованию человеческой Головы»*

*Должно пройти много времени, прежде чем
человек станет похож на свой портрет.*
Джеймс Макнейл Уистлер

*Если сон отражает реальность, то и
реальность является отражением сна.*
Рене Магритт

Maggie Stiefvater
Graywaren

Copyright © 2022 by Maggie Stiefvater All rights reserved
Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway,
New York, NY 10012, USA

Freedom

© Полячук Т., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Эта история началась много-много лет тому назад, когда двое сновидцев прибыли в рай.

Ниалл Линч и Мор О-Коррах приобрели прекрасный укромный уголок в сельской местности Вирджинии. Пологие бескрайние поля. Поросшие дубами предгорья. И призрачные горы Блу-Ридж в роли стражей, стоящих на горизонте. Владение этим утопающим в зелени прибежищем казалось Ниаллу и Мор увлекательной затеей. Впрочем, фермерский дом в самом сердце владений изобилдовал залежами барахла, оставшегося от предыдущего владельца, умершего до их приезда. А многочисленные хозяйственные постройки, давшие этому месту название «Амбары», оказались в еще более плачевном состоянии. Краска давно облупилась с покосившихся стен.

Но для Ниалла и Мор это место стало их личным королевством.

– Уверен, все образуется, – сказал Ниалл с присущим ему оптимизмом.

Ниалл был очаровательным молодым человеком, красивым, обходительным и красноречивым. Если бы существовала возможность убедить хлам в доме и сараях самостоятельно убраться вон, то Линч, несомненно, тот, кто справился бы с этой задачей.

Мор (в то время ее звали иначе) заметила:

– Придется следить, чтобы малыш не заблудился в здешних зарослях.

Мор – бойкая юная особа, решительная и лишенная всяких сантиментов. Годом ранее девушка остригла свои золотистые волосы до подбородка, поскольку локоны ей мешали. А месяц назад она поступила так же и с собственным прошлым.

Внезапно Ниалл широко улыбнулся, заправляя за ухо длинную прядь волос, прихорашиваясь и позволяя собой любоваться.

– Ну как, тебе нравится?

Мор поудобнее перехватила сидящего на руках юного Диклана и прищурилась, пристально оглядывая владения. Все выглядело, как и говорил Ниалл. Место было чудесным. Невероятным. Множество миль отделяли их от ближайшего соседа и океан от ближайшего родственника.

Однако не это она считала самым важным.

– Не узнаю, пока не усну здесь, верно? – ответила девушка.

И Ниалл, и Мор были сновидцами – буквально. Заснув, через некоторое время они просыпались, осознавая, что их сон стал явью. Магия! Магия редкая настолько, что им никогда не приходилось встречать человека, ею обладающего... или, по крайней мере, признающего в этом. Да и стоит ли удивляться? Не секрет, что всегда найдутся сомнительные

личности, готовые использовать сновидца в своих корыстных целях.

На самом же деле о подобной эксплуатации было легче говорить, чем сделать. Сновидение – дело скользкое. Зачастую Ниалл и Мор сбивались с пути, блуждая по собственному подсознанию. Намереваясь, к примеру, приснить денег, парочка вполне могла проснуться с пригоршнями стикеров с напечатанными на них словами «фунт» и «доллар».

Самыми продуктивными снами оказывались сны целенаправленные.

А самыми целенаправленными были сны о лесе.

Лес.

На первый взгляд он напоминал обычный лиственный лес, но, стоя посреди его чащи, Мор понимала, что здешние корни проникают гораздо глубже. Сквозь почву. Сквозь камни. Они уходили глубже, чем подвластно пониманию человека. Не в поисках воды, а чего-то иного. Всякий раз оказываясь во сне в Лесу, девушка не сомневалась, что здесь обитает нечто разумное. Однако оно всегда оставалось скрытым от ее взгляда. Мор лишь слышала его. И чувствовала.

Чем бы ни было это существо, его очень интересовала Мор. А Мор интересовало оно.

– Разумеется, не волнуйся, – ответил Ниалл, протягивая ладонь к ее руке. – Ты отыщешь здесь Лес.

Ведь Лес снился и ему. И тоже проявлял к нему любопытство.

(Ниалла интересовал Лес, но больше его интересовала Мор.)

Он приложил массу усилий, чтобы найти место, где можно видеть чудесные, ясные сны и запросто бывать каждую ночь в Лесу. В глубине души он надеялся, что девушка также влюбится в красоту этого места, в обещание, насколько прекрасным может быть здесь их совместное будущее. Однако Линч знал, чего она хочет на самом деле.

Итак, в ту первую ночь, пока Мор грезил, Ниалл ждал. Когда солнце наконец взойшло над горизонтом, девушка присоединилась к своему юному спутнику на шатком крыльце фермерского дома. Ниалл протянул руки к Диклану и обнял мальчика, любясь окутанными туманом полями.

Он не спрашивал Мор, снился ли ей Лес той ночью. Он знал ответ. Они грезил о Лесе; Лес грезил о них.

– Любовь моя, прошлой ночью я услышал в Лесу слово, – сказал Ниалл. – Не английское и не ирландское.

– Я тоже видела слово, – ответила Мор. – Начертанное на камне.

Девушка вывела буквы в пыли на перилах ровно в тот момент, когда парень произнес вслух:

– *Грейуорен.*

1

Кража предмета искусства могла стать поводом для веселья.

Не в смысле для смеха, а произойти странным, забавным образом. Различные виды правонарушений входят и выходят из моды, но преступления в сфере искусства неизменно привлекают к себе внимание.

Можно подумать, что ценители категоричнее прочих осудят кражу или подделку, однако на самом деле именно они находят эти события особенно интригующими. Своего рода гипертрофированная оценка произведения. Восприятие искусства как настольной игры, командного вида спорта. Большинство людей никогда не украдут статую и не подделают картину, но им интересно знать, как это делают другие. И, в отличие от ситуаций с похищением сумочки или ребенка, разумное количество симпатий очевидцев вполне может оказаться на стороне вора.

Ставки никогда не были столь высоки. Предметы искусства всегда представляли ценность, но никогда обладание ими не было вопросом жизни и смерти.

Однако мир изменился.

Теперь, если кто-то владел произведением, значит, кто-то другой им не владел.

И это стало вопросом жизни и смерти.

Никто даже не взглянул в сторону Брайда, держащего свой путь в Музей изящных искусств. Фигура рыжеволосого мужчины в серой, не по сезону легкой для зимнего Бостона куртке, прячущего руки в карманы и поеживающегося от холода, проворно поднималась по лестнице и казалась не приметной на фоне массивных колонн. Мужчина совсем не походил на человека, в недавнем прошлом устроившего несколько грандиозных катастроф и намеревающегося в ближайшем будущем похитить нечто ценное. Однако он был и тем и другим.

Отчаянные времена, и все такое.

Прошло лишь тридцать шесть часов с тех пор, как десятки тысяч людей и животных по всему миру погрузились в сон. Они уснули все разом, одновременно. Неважно, бежали ли они трусцой по тротуару, подбрасывали своего ребенка в воздух или ступали на эскалатор: люди засыпали. Самолеты падали с неба. Грузовики срывались с мостов. Морские птицы дождем сыпались в океан. Не имело значения, сидели ли спящие в кабине самолета или за рулем автобуса; без разницы, кричали ли их пассажиры; уснувшие продолжали спать. Почему? Никто не знал.

Точнее, знали немногие.

Брайд быстрым, четким шагом проследовал к билетной кассе. Он подышал на озябшие пальцы и вновь слегка поежился. Скользнул зорким взглядом в одну сторону, затем в другую, и снова в первую, задерживая взгляд ровно настоль-

ко, чтобы приметить охранника, замешкавшегося у туалетов, и экскурсовода, ведущего группу в соседний зал.

Девушка-кассир не сводила глаз с экрана.

– Входной билет? – спросила она.

В выпусках новостей бесчисленная череда экспертов сыпала фразами вроде: *нарушение обмена веществ, природно-очаговая инфекция и выбросы ядовитого газа*, пытаясь найти объяснение внезапно впавшим в кому людям и животным. Однако версии сменяли одна другую, поскольку специалистам требовалось объяснить еще и причины выхода из строя сотен ветряных мельниц, автомобилей и прочих приборов. Не связано ли это, как предположил один из экспертов, с промышленным саботажем на Восточном побережье, нанесящим ущерб в миллиарды долларов? Вероятно, все это целенаправленная атака на промышленность. Возможно, завтра появится новая информация от властей.

Однако к утру новых данных от правительства так и не поступило.

Никто не взял на себя ответственность. Уснувшие продолжали спать.

– Мне нужен билет на Венскую выставку, – сказал Брайд.

– Билеты распроданы до марта, – ответила девушка тоном человека, неоднократно повторявшего эту фразу. – Могу внести ваш электронный адрес в список ожидания.

Билеты на уникальную передвижную выставку Венского сецессиона художников закончились в первый же день объ-

явления о ее открытии. Что было неизбежно. Ее центральным экспонатом стало сногсшибательное полотно Густава Климта «Поцелуй», никогда раньше не покидавшее родины. Большинство людей уже видели эту картину, даже полагая, что с ней незнакомы. Она изображала влюбленную пару, окутанную позолоченным покрывалом и полностью поглощенную друг другом. Мужчина целует женщину в щеку. Его волосы украшены листьями плюща; руки благоговейно касаются женщины, безмятежно стоящей на коленях среди цветов. По выражению ее лица легко догадаться, что она обожаема. Насколько обожаема? Трудно судить. Предыдущая картина Климта, менее известная, была продана за сто пятьдесят миллионов долларов.

– Мне нужно попасть сегодня, – сказал Брайд.

– Сэр... – сотрудница за стойкой подняла взгляд на Брайда, впервые на него посмотрев. Она сомневалась. И всматривалась слишком долго в его глаза, в его лицо.

– Брайд, – прошептала девушка.

В день, когда самолеты упали с неба, изменилась жизнь не только уснувших. Сновидцы, которые встречались гораздо реже, чем их творения, утратили способность приносить вещи из мира грез. Многие еще не знали об этом, поскольку редко видели сны. А кто-то уже смирился с неудачами (и во сне, и в жизни).

К некоторым из них Брайд приходил во сне.

– Венская выставка, – тихо повторил Брайд.

Сомнений не осталось. Кассир сняла с шеи свой бейдж.
– Приложи, эм, палец к фотографии.

Когда Брайд уходил, накидывая шнурок на шею, девушка прижала ладонь ко рту и подавила вскрик.

Порой очень важно узнать, что ты не одинок.

Пару минут спустя Брайд с невозмутимым видом снял «Поцелуй» со стены посреди оживленной выставки Венского сецессиона. Он сделал это со спокойной уверенностью человека, имеющего на это право. Возможно, именно поэтому никто из присутствующих сперва не понял, что происходит.

Затем сработавший датчик веса включил сигнализацию.

Вор, вор, вор, – пронзительно взвыла она.

Вот теперь посетители обратили внимание.

Брайд пошатнулся, держа в руках картину размером с его рост. Развернувшаяся сцена представляла собой настоящее произведение искусства: ладная, аккуратная фигура светловолосого мужчины с ястребиным носом и прекрасная, изящная картина.

Угол рамы со стуком коснулся пола. Брайд потащил полотно к выходу.

Стало очевидно, что экспонат пытаются украсть. С бесценными шедеврами так не обращаются.

И все же никто из очевидцев не попытался его остановить; они просто смотрели. В конце концов, разве не для этого создавалось искусство? Посетители наблюдали, как человек ненадолго остановился, вытащил из кармана предмет, напо-

минающий бумажный самолетик, и швырнул его в экскурсовода, спешащего к экспозиции. Едва ударившись о грудь сотрудника музея, самолетик растекся, превратившись в вязкую массу, намертво приклеившую мужчину к полу. Следующая служащая получила в лицо облако искрящейся пудры, пронзительно завизжавшей и вспыхнувшей, стоило честицам коснуться ее кожи.

Третий работник остановился как вкопанный, когда из пола под его ногами стремительно выросли трава и колючий терновник, выпущенные из обычного на вид теннисного мяча, брошенного Брайдом.

Брайд упорно продвигался вперед.

На каждом повороте ему встречалось все больше охранников, и с каждым шагом он продолжал сбивать их с толку, извлекая из кармана все больше странных предметов, словно являя миру собрание работ неизвестных мастеров. Это были красивые, странные, пугающие, поражающие воображение, громкие, извиняющиеся, стыдливые, восторженные безделушки – подарки, полученные за последние тридцать шесть часов. Дары тех, кто думал, что одинок, пока с ними не связался Брайд. Прежде он легко мог приснить новое оружие, чтобы задержать охрану, но не сейчас. Приходилось довольствоваться чужими снами.

Однако их запасов оказалось недостаточно, чтобы выбраться из музея.

Из глубины здания доносился треск раций, рев сигнали-

зации, а впереди ждали бесчисленные лестницы.

Он был далек от спасения.

Нельзя просто так зайти в один из крупнейших музеев мира, выбрать картину Климта, снять ее со стены и унести с собой.

Идея, заведомо обреченная на провал.

– Неужели вы не хотите, чтобы все проснулось? – рявкнул Брайд на зевак.

Его слова подействовали на окружающих гораздо сильнее, чем все приспущенные гаджеты. Он призывал вспомнить о тех, кого нет рядом, о спящих, крепко-крепко спящих. В гостевых спальнях домов близких и родственников. В детских комнатах с оптимистично приоткрытыми дверями и радионянями с севшими батарейками. В гериатрических палатах, отведенных для спящих, которых никто не опознал.

Горстка людей ринулась вперед, чтобы помочь Брайду вынести картину.

И вот теперь действие по-настоящему стало произведением искусства. Брайд и группа посетителей с «Поцелуем» на плечах миновали стенды, освещающие процесс создания полотна, непростую судьбу картины и акты бунтарства, присущие автору, вновь и вновь совершаемые им на протяжении творческого пути.

Сперва пять, затем шесть, и, наконец, семь человек несли картину, прорываясь к выходу, в то время как еще одна группа посетителей пыталась заблокировать охрану.

На парадной лестнице МИД процессию встретили сотрудники полиции с поднятыми пистолетами.

Теперь, когда подаренные сны закончились, Брайд стал обычным человеком, крепко сжимающим в руках знаменитую картину. Потребовалась всего пара офицеров, чтобы избавить его от шедевра. Неудивительно, что попытка кражи провалилась. Странно, что это заняло столько времени. Но в этом вся суть искусства: сложно предсказать, ждет задумку успех или провал.

В тот момент, когда полицейские вели закованного в наручники Брайда к патрульной машине, нарушитель внезапно запнулся.

– Осторожно, – произнес один из офицеров вполне доброжелательным тоном.

– Мы не хотим, чтобы кто-то пострадал, – добавил его коллега.

Позади них музейные работники торопливо возвращали «Поцелуй» в здание. И чем дальше полотно уносили от Брайда, тем медленнее становились его шаги.

– На что ты только рассчитывал, чувак? – вновь заговорил первый офицер. – Нельзя же просто зайти в музей и забрать картину.

– Это все, что я смог придумать, – ответил Брайд.

Он уже мало напоминал мужчину, который вошел в музей ранее. Его взгляд утратил свою силу. Брайд осел на землю. Человек, в чьих карманах не осталось снов.

– Однажды, – сказал он офицерам, – вы тоже уснете.
Спать.

Каждый человек мечтает о власти... Реклама убеждает потребителя, что он важен и значим... Учителя твердят ученикам: мы верим в тебя... Познай свою силу... Будь лучшим... Ты сможешь... Ложь... Власть, чем-то схожа с бензином или солью... Кажется, что ее в избытке, но на всех не хватает... Острые лезвия жаждут власти, чтобы получить простор для резки... Тупые лезвия стремятся к власти, чтобы защитить себя от острых... Острым лезвиям она необходима для исполнения их предназначения... Тупые же пытаются ее заполучить, чтобы просто занимать место в коробке... Мы живем в отвратительном мире... Коробка полна безобразных лезвий, созданных неизвестно для чего...

– Натан Фарух-Лейн,
Безупречное лезвие, страница 8

Эй, проснись и пой.

Диклан Линч проснулся рано. Он не завтракал, поскольку утренний прием пищи неизменно гарантировал ему раздражение желудка. Он пил кофе, который тоже вызывал изжогу. Однако без утреннего ворчания кофеварки он не имел веской причины встать с постели вовремя. Как бы то ни было, Мэтью однажды сказал, что утро пахнет кофе, поэтому даже теперь оно должно продолжать пахнуть кофе.

Сварив кофе, Диклан позвонил Джордан Хеннесси – ее рабочий день заканчивался в то же время, когда начинался его. Слушая гудки в трубке, он старательно стирал кофейную гущу со стойки и отпечатки пальцев с выключателя. Диклану многое нравилось в бостонской квартире, особенно ее расположение в районе Фенуэй, всего в миле от Джордан. Однако старинному зданию никогда не стать столь же стерильным, как безликое жилище, оставленное в Вашингтоне. Диклан любил порядок. Но редко его получал.

– Поцци, – тепло поприветствовала Джордан.

– До сих пор наяву?

С каждым днем этот вопрос звучал все серьезнее.

– Потрясающе, – ответила она. – Невероятно. Толпа, затаив дыхание, наблюдает за происходящим; никто не знает, чего ожидать.

Наяву, наяву – почему она бодрствует, когда другие заснули? И что он будет делать, если завтра это изменится?

– Хочу увидеть тебя сегодня вечером, – сказал он.

– Знаю, – ответила девушка и повесила трубку.

Эй, проснись и пой. Заметив пару морщинок на рубашке, Диклан повесил ее в ванной и включил душ. Из зеркала на него смотрел молодой Диклан Линч. Совсем не похожий на того, которого он видел в отражении всего несколько месяцев назад. Тот неприметный человек словно был собран из деталей серийного производства: идеальная белоснежная улыбка, ухоженные темные кудри, сдержанность, уверенная, но не агрессивная манера держаться. Этот новый Диклан врезался в память. Во взгляде его голубых глаз притаилось нечто необузданное, готовое вырваться из-под контроля.

Он никогда не думал, что чем-то похож на Ронана, но теперь...

(Не думай о Ронане.)

Одевшись, накачавшись кофеином и потушив пожар в желудке, Диклан взялся за дело. С тех пор как перебрался в Бостон, чтобы быть поближе к Джордан, он оказывал услуги высококлассного специалиста по присмотру. Клиенты оставляли ему свои телефоны. На выходные, на месяц, на время поездки, отпуска или отбывания тюремного срока. А порой и насовсем. Не все в мире высоких ставок умели легко и непринужденно вести беседу с клиентами, не поддаваясь эмоциям и не давая ненужных обещаний. Поэтому они по-

ручали Диклану говорить за них.

На протяжении всей своей жизни он совершенствовал искусство превращения чего-то захватывающего в максимально скучное.

Его заказчикам требовался неприметный помощник, прекрасно разбирающийся в тайнах живительных магнитов – редких предметов искусства, способных разбудить спящих. И этим человеком стал Диклан. Он знал, что людей, подверженных риску заснуть, следует называть «зависимые». Знал, что нужно проявлять тактичность, интересуясь происхождением зависимого. Ни в коем случае не стоило упоминать сны или магию, поскольку большинство клиентов обзавелись зависимыми в результате брака. Но были и те, кому «иждивенцы» достались по наследству, а кто-то и вовсе приобрел зависимого ребенка или супруга на черном рынке. Как правило, такие клиенты не ведали о том, почему их близкие оказались подвержены риску заснуть. Их это не интересовало. Они лишь хотели знать, как не дать своей семье погрузиться в сон.

Диклан прекрасно их понимал.

Он сверил часы и позвонил Адаму Пэрришу.

– Узнал что-то новое?

Звук голоса Адама то появлялся, то пропадал; парень шел.

– Лей-линия по-прежнему отсутствует. Везде. Без изменений.

– Есть известия от...

Адам не ответил. Что означало «нет». Плохой знак. Адам Пэрриш – человек, о котором Ронан заботился больше, чем о ком-либо на свете. Если Ронан не звонил ему, значит, вообще никому не звонил.

– Ты знаешь, где меня найти, – сказал Диклан Адаму и повесил трубку.

(Жив ли Ронан?)

Эй, проснись и пой. Диклан шагнул на улицу навстречу шумно просыпающемуся Бостону, лязгу мусоровозов, шипению автобусов и крикам птиц. Пар клубился у его рта, пока он спешно открывал автомобиль, только чтобы снять с зеркала заднего вида висевший там флакон освежителя воздуха.

Он вел себя совершенно непринужденно.

Просто освежитель воздуха. А не все мои сбережения. Ничего особенного.

– Доброе утро! – окликнула его соседка. Она работала врачом-ординатором. Диклан изучил ее биографию. Ее и всех людей, живущих по соседству. Предупрежден, значит, вооружен. – Так... с вашим братом все в порядке? Марсело сказал, что мальчик упал в обморок?

Она могла оказаться сном или сновидцем; о некоторых вещах не расскажут в биографии. Маловероятно, но не невозможно. Когда-то давно Диклан считал, что сны присутствуют только в его жизни. Теперь благодаря выпускам новостей он знал, что есть и другие. Не так много. Но больше, чем он

представлял.

И уж точно больше, чем живительных магнитов.

– У него пониженное давление, – спокойно солгал Диклан. – Это наследственное. Передалось от матери. Вы случайно не работаете с такими пациентами?

– Ох! Хм, нет, я специализируюсь на болезнях кишечника, – ответила она, ткнув пальцем в свой живот. – Рада, что с парнишкой все порядке.

– Спасибо за беспокойство, – вновь солгал Диклан.

Вернувшись в квартиру и отойдя на безопасное расстояние от окон, он открыл флакон и извлек спрятанный в нем серебряный кулон. Чудесная, изящная вещица в форме лебедя, обвитого вокруг цифры семь. Кто знает, что означал этот символ когда-то? Наверное, что-то очень важное, иначе сейчас кулон не представлял бы такой ценности. Диклану вспомнилась история о семи лебедях, которую рассказывала Аврора, однако он никак не мог вспомнить, о чем в ней говорилось. Похоже, в хранилище его памяти отлично сохранились только рассказы отца.

Живительный магнит в виде кулона стоил невероятно дорого.

Он не переставал скучать по всем произведениям искусства, которые пришлось продать, чтобы заполучить вещицу.

– Пора в школу! – крикнул Диклан, поднимаясь по лестнице в комнату Мэтью. Споткнувшись о пару огромных уродливых кроссовок на пороге, он попытался через них пе-

решагнуть. Однако яркая дутая обувь, видимо, жаждала крови и поэтому отправила Диклана в полет.

Бормоча ругательства, он приземлился, ухватившись за край матраса; золотистые кудри Мэтью не шелохнулись на подушке.

– Мэтью, – позвал Диклан. В желудке вновь забурлила кислота.

Семнадцатилетний парень в кровати казался семилетним мальчиком. В этом и заключалась магия ангельских черт его лица. Он продолжал сладко спать. Диклан приложил кулон с лебедем к шее брата. Кожа Мэтью была теплой и живой на ощупь.

– М-м-м... – мальчик сонно вскинул руку и сжал цепочку кулона. Крепко. Словно спасательный круг. А разве не так и было? – Уже встаю.

Диклан выдохнул.

Магнит все еще работал.

– Поторопись, – сказал он. – У тебя двадцать минут.

– Мог бы разбудить меня раньше, – заскулил Мэтью.

Но Диклан не мог. Самые мощные магниты, как правило, были и самыми неудобными: «Мадам Икс» Джона Сингера Сарджента, «Поцелуй» Климта, «Черный ирис III» Джорджи О'Кифф. Эти и прочие «улыбки Моны Лизы» украшали стены музеев или принадлежали корпорациям и сильным мира сего. Магниты, обладающие чуть меньшей силой, попадали в руки присненных генеральных директоров и бо-

гатеньких наследниц. А также неприсненных директоров и наследниц, купивших себе присненных детей или супругов. Поэтому в оборот черного рынка попадали не самые ценные экземпляры магнитов. Они были слабее, не отличались долговечностью, красотой или удобством... а главное, они все равно стоили невероятно дорого. Отныне, когда каждая греза нуждалась в живительном магните, чтобы не заснуть, цены даже на самые захудалые экземпляры в считанные дни взлетели до небес.

Так что Мэтью получал кулон с лебедем перед завтраком и отдавал его сразу после школы. Мальчик не видел заката уже несколько дней; и еще долго не увидит выходных. Кулон должен прослужить до конца учебного года. Диклану был не по карману еще один живительный магнит. Он едва смог позволить себе этот.

(Его мучило чувство вины, он тонул в нем, погряз целиком и полностью.)

– У меня гипотермический вопрос, – заявил Мэтью пару минут спустя. – То есть гипотетический.

Мальчик появился на пороге кухни с виду почти готовый к учебе. Он даже умылся и, стараясь не запачкать пол, держал свои зверски уродливые кроссовки в руке.

Мэтью подлизывался.

– Нет, – сказал Диклан, доставая ключи от машины. – Мой ответ – нет.

– Можно мне вступить в школьный D&D клуб?¹

Диклан силился вспомнить, что такое D&D. В голове мелькнула мысль, что это как-то связано с кнутами и кожей. Однако вряд ли это в духе Мэтью, даже в его нынешнем бунтарском возрасте.

– Клуб волшебников? – спросил он.

– Ага, там нужно притворяться, что сражаешься с троллями и прочими упырями, – ответил Мэтью.

Диклану не нужно было притворяться, что он сражается с троллями и прочими упырями. Ему хотелось притвориться, что это не так. Он хотел меньше D&D. И больше B&B².

– Ты спрашиваешь, потому что они собираются по вечерам или в выходные?

Если бы только Мэтью мог бодрствовать без магнита, как Джордан, но никто не знал, как у нее это получалось...

– Только по средам. Среда ведь считается днем?

– Мне нужно подумать об этом.

(Он предпочел бы вообще ни о чем не думать.) (Жив ли Ронан?)

Эй, проснись и пой. Диклан подвозил брата до его новой школы; ему приходилось постоянно контролировать передвижения Мэтью. В день, когда грезы заснули, Диклану потребовалось несколько часов, чтобы отыскать место, где от-

¹ Dungeons & Dragons (D&D, DnD; «Подземелья и драконы») – настольная ролевая игра в жанре фэнтези, выпускается с 1974 года.

² Bed & Breakfast – тип гостиницы, где предлагается ночлег и завтрак.

ключился Мэтью. Еще одного такого дня он просто бы не пережил. Не вынес бы неизвестности.

– Ты уже подумал о D&D? – напомнил Мэтью.

– Прошло всего двенадцать минут. – Диклан въехал на школьную парковку, где за рулем каждого второго автомобиля сидел человек лет сорока-пятидесяти. Родители, которых не забили до смерти монтировкой на собственной подъездной дорожке, прежде чем их дети достигли совершеннолетия.

Диклан чувствовал себя на сорок или пятьдесят.

(ЖивЛиРонанЖивЛиРонанЖивЛиРонанЖивЛи...)

– Ну, так что? – повторил Мэтью.

– Мэтью, выметайся, – ответил Диклан. У него зазвонил телефон. Его телефон, настоящий, а не телефон клиента. – Не пей газировку за обедом. И не висни на дверце моей машины. Здесь не спортзал.

Телефон продолжал трезвонить. Диклан ответил.

– Диклан Линч.

– Это Кармен Фарух-Лейн.

Во рту внезапно пересохло. Последний раз он разговаривал с ней совсем недавно, когда сообщил, где найти Ронана, чтобы она могла захватить Брайда и освободить брата от его влияния. Все так запутано.

Чувство вины раздирало изнутри.

(Ронан, Ронан, Ронан.)

Мэтью по-прежнему висел на дверце. Диклан махнул

на него рукой, чтобы мальчик отправлялся на занятия, но Мэтью замер на месте, прислушиваясь к разговору.

– Происшествие не афишировалось, – сказала Фарух-Лейн. – Но, возможно, до тебя дошли слухи, что несколько дней назад Брайда арестовали в МИДе.

Диклана затошнило. Разум услужливо нарисовал картину многочасовой перестрелки и Ронана, распростертого в луже крови с каким-нибудь проклятым сном в руке.

Пожалуйста, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.

– Ронан?..

– Нам нужно встретиться, – сказала Фарух-Лейн.

Голова закружилась от облегчения. Она не сказала: «*Твой брат мертв*».

– Где?

Девушка назвала место.

Диклан уставился на руль автомобиля. Пыльная кожа блестела лишь в тех местах, где остались следы его пальцев. Он измучился бороться с пылью. Стоило отвлечься, как все вокруг мгновенно превращалось в грязь и беспорядок. Все, о чем он мечтал, – это день или два, когда все не разваливалось бы на части, стоило ему отвлечься. А может, час или два. Или просто пара минут.

(Ронан, Ронан, Ронан.)

– Дикло, – пискнул Мэтью, – что случилось?

Эй, проснись и пой.

– Садись обратно в машину, – ответил Диклан. – Ты не

идешь сегодня в школу.

Апокалипсис был предотвращен, но предчувствие конца света все равно не оставляло.

И кто ты теперь?

Та, кто предотвратила апокалипсис.

Кармен Фарух-Лейн продолжала себе это твердить, однако на ум ей неизменно приходил иной ответ.

Фарух-Лейн и Лилиана ждали Диклана Линча, сидя в машине на парковке Медфордского центра помощи. Седовласая Лилиана, расположившись на пассажирском сиденье, вязала что-то из бирюзовой пряжи в тон тканевой повязке на ее голове и тихонько напевала себе под нос. Старушка отлично умела коротать время. Темноглазая Фарух-Лейн сидела на месте водителя и, вцепившись пальцами в руль, сжимала его до побелевших костяшек. Она коротать время не умела.

Кто ты теперь?

Та, что убила своего брата.

Диклан Линч изо всех сил старался уберечь от гибели своего брата, смертоносного Зета, а она сделала все возможное, чтобы оборвать жизнь своего.

Фарух-Лейн понимала, что их ситуации сильно отличались. Натан пускал в ход приспущенное оружие, чтобы убивать своих жертв, а после помечал каждое место преступления парой раскрытых ножниц; в то время как Ронан попал

под прицел из-за преступлений, которые *мог* совершить, и апокалипсиса, который он *мог* устроить. Однако была у них и общая черта: они оба обладали властью, слишком большой для одного человека. Поэтому решение исключить их из уравнивания имело смысл. Исключить всех могущественных Зетов.

А значит, Модераторы и Фарух-Лейн продолжали убивать, снова и снова и снова...

Знаешь, кого проще всего контролировать? – спросил ее однажды Натан. – *Людей, которые в прошлом уже становились жертвами манипуляций и теперь из всех сил пытаются не повторить этот опыт.*

Фарух-Лейн осмотрелась по сторонам. После прохлады раннего утра день неожиданно выдался теплым, слишком теплым для Массачусетса в это время года. Хмурое небо, нависшее над голыми ветвями деревьев, казалось каким-то странным, словно не соответствовало сезону. Пешеход, спешащий по тротуару вдаль, напомнил ей о брате. О том, как быстро и целеустремленно шагал Натан, чуть склонившись вперед, словно фигура на носу корабля.

Хватит думать о прошлом, – велела она себе. – *Сосредоточься на настоящем.*

Все закончилось. Штекер выдернут. Грезы остановлены. Пожар потушен. Мир спасен.

Ведь так? Так.

Из-за этой заварухи она потеряла семью. Лишилась карье-

ры. Души. И что же в конце концов положило конец бесконечной череде убийств? Краткий сон за чашкой горячего шоколада погасил источник силы Зетов. Не взрыв, а скорее всхлип.

– Это было слишком просто, – призналась Фарух-Лейн. – Сплошное разочарование.

– То, что мы сделали, не далось нам легко, – заверила ее Лилиана в своей особой манере, провязывая петлю за петлей. Ритмичный стук ее спиц напоминал тиканье секундной стрелки часов. – Я, к слову, рада, что все это уже позади и мы можем спокойно жить дальше.

Лилиана – в прошлом подружка-провидица, а теперь, видимо, просто подруга. До отключения силовой линии у нее периодически возникали опасные видения о грядущем апокалипсисе, в результате которых Лилиана меняла свой возраст, перемещаясь по временной шкале в пределах трех эпох. Но, с тех пор как силовая линия исчезла, видения прекратились. Похоже, для предсказаний, как и для грез, требовалась энергия линий.

С одной стороны, радовало, что можно больше не бояться возникающей во время видения звуковой волны, способной взорвать человека изнутри. Однако Кармен огорчало, что их отношения с провидицей начались, когда она была в среднем возрасте, а теперь продолжались с внезапно постаревшей Лилианой. Раньше Фарух-Лейн не беспокоило, что подруга иногда превращалась в старушку, поскольку она так

же быстро возвращалась к прежнему возрасту. Но теперь и силовая линия, и видения исчезли, а значит, провидица так и останется в этой поре. Годы ничуть не умаляли спокойной элегантности Лилианы, и все же она выглядела на несколько десятков лет старше Фарух-Лейн.

К тому же без предсказаний они оказались в абсолютном неведении о том, что ждет их в будущем.

– Кажется, я уже забыла, что такое *спокойно жить*, – сказала Фарух-Лейн. – Можешь поверить, что когда-то я зарабатывала на жизнь, планируя будущее для других?

– Полагаю, будущее сложится само собой, – ответила Лилиана.

Провидица отложила вязание, взяла Фарух-Лейн за руку и сжала их ладони вместе. Как и всегда, ее прикосновение сразу принесло чувство покоя. Загадочного умиротворения. Кармен не сомневалась, что Лилиана помимо дара предвидения обладает некой магией, волшебством, позволяющим человеку рядом почувствовать себя лучшей версией самого себя. Внезапно девушке вспомнилось, как при их первой встрече Лилиана говорила что-то о том, что люди невероятно хрупкие существа. Подобные заявления обычно произносились лишь смеха ради или если говоривший считал себя не совсем человеком.

И Лилиана не смеялась.

– Ты помнишь, что будет дальше? – спросила Фарух-Лейн. В ее голове с трудом укладывалось, как именно провидица

перемещается по временной шкале. Девушка понимала, что лишь одна из версий Лилианы является истинной, правильно воспринимающей время. Две другие либо оглядывались назад на уже произошедшие события, либо с нетерпением ждали будущего, которое предстояло наверстать.

Раньше у пожилой Лилианы часто возникали крохотные обрывки воспоминаний, которыми она охотно делилась. Но сейчас женщина просто сказала:

– Давай подумаем, что приготовить на ужин. Хеннесси говорила что-то о карри, и, по-моему, это отличная идея.

– Надеюсь, мы не совершили ошибку, оставив ее одну, – пробормотала Фарух-Лейн. – Я не слишком верю, что она захотела подольше поспать. Она только и делает что спит.

– Бедняжке придется проспать полжизни, чтобы наверстать упущенное.

Голос Лилианы переполняла жалость, ведь прошлая жизнь Хеннесси действительно заслуживала сочувствия. На протяжении многих лет девушке снился один и тот же непрекращающийся кошмар; она провела годы со знанием, что способна сделать этот ужасный сон явью. *Пожалей же ее*, – велела себе Фарух-Лейн. – *Посочувствуй!* Однако хватило лишь пары дней, чтобы Кармен выяснила, что Хеннесси самый невыносимый человек из всех, кого она когда-либо встречала.

Вот доказательство: Хеннесси была громкой. Похоже, она считала, что если монолог того стоит, значит, он должен быть

произнесен на максимальной громкости, желательно с высоты предметов мебели, крыш автомобилей и домов. Бескрайний океан слов.

А еще Хеннесси отличалась непредсказуемостью. В первую же ночь после того, как она отключила силовую линию, девушка на несколько часов пропала. Без предупреждения. Ничего не объяснив. Ровно в тот момент, когда Фарух-Лейн и Лилиана пытались решить, стоит ли отправляться на ее поиски, Хеннесси вернулась сама. Она приехала за рулем странного автомобиля без номеров, чем-то напоминающего свою вечно болтающую и кричащую владелицу. Его выхлопная труба постоянно ревела и грохотала, если только он не был заперт под замок в гараже. С виду машина казалась или очень дешевой, или очень дорогой. Фарух-Лейн побоялась спрашивать, откуда она взялась.

И еще доказательство: Хеннесси оказалась настоящим вандалом. Ей требовался постоянный присмотр, иначе она как дикая лисица начинала крушить все вокруг. За те несколько дней, что они провели под одной крышей, вода неизменно перетекала через края ванной, огонь вырывался из духовки, в окнах разбивались стекла, а соседи изумленно наблюдали, как Хеннесси рисует огромную копию «Крика» на двери гаража под аккомпанемент ревущей из салона ее автомобиля (по всей видимости, краденого) музыки. Фарух-Лейн уже и не надеялась вернуть страховой депозит.

И еще одно: Хеннесси, похоже, пыталась умереть. Ну, или,

по крайней мере, не проявляла достаточной осмотрительности, чтобы остаться в живых. Она прыгала с высоты, не гарантирующей шанс на выживание. Нырjala под воду, не имея запаса воздуха в легких. Пила напитки, злоупотребление которыми могло навредить человеку. Пробовала еду, выплевывала ее обратно и начинала есть что-то другое. Она носилась с ножницами в руках, и если вдруг умудрялась упасть и порезаться, то спокойно изучала рану, с любопытством, а не с ужасом заглядывая под распоротую кожу. Порой она смеялась так сильно, что Лилиана начинала плакать от жалости.

Кармен казалось, что последние несколько дней растянулись на годы.

Однако Фарух-Лейн не могла просто выставить за порог пресловутого Зета. Ведь под предлогом спасения мира они с Лилианой отняли у единорога его рог и ничего не дали ему взамен.

Кто такая Хеннесси теперь, без ее сновидений?

А кто такая Фарух-Лейн?

Та, кто предотвратил апокалипсис.

– А вот и он, – мягко произнесла Лилиана.

Подъехавший серый «Вольво» припарковался неподалеку от них. За рулем автомобиля сидел Диклан Линч. Его златовласый младший брат Мэтью занимал пассажирское сиденье. Две трети братьев Линч.

– Пусть все идет своим чередом, – посоветовала Лилиана. – Это первый шаг.

Ты предотвратила апокалипсис.

Достав из кармана на дверце пару поздравительных открыток, Фарух-Лейн направилась к Диклану. Они встали по одну сторону линии разметки, начерченной на асфальте. Кажется, ситуация располагала к рукопожатию, однако никто из них не протянул руку, а после затянувшегося молчания сделать это стало слишком неловко, поэтому Фарух-Лейн просто вздохнула в знак приветствия.

– Он мертв? – спросил Диклан без предисловий.

Вместо ответа девушка протянула ему первую из двух поздравительных открыток.

Диклан открыл ее. И прочел слова, напечатанные внутри:
«С Днем святого Валентина любимых сына и сноху!»

Чуть ниже следовала приписка почерком Фарух-Лейн:

«После стычки в розовом саду я ничего не слышала о Модераторах. Я больше не подчиняюсь их приказам, но, возможно, за мной продолжают следить. Они могут проверять звонки, сообщения, личные вещи и вести наблюдение, поэтому я записала для тебя все что знаю».

Тишина со стороны Модераторов совсем не успокаивала, а скорее пугала. Ведь они превратились в призраков не только для нее. Когда федералы сообщили ей об аресте Брайда, они сказали, что сперва безуспешно пытались связаться с другими Модераторами, и только потом позвонили ей. Куда же они подевались? Модераторы чем-то напоминали спам или грибковую инфекцию, которые сами по себе не исчеза-

ют.

Она протянула Диклану вторую открытку.

Внутри карточки тоже было поздравление (*Оказывается, ты нравишься мне гораздо больше, чем я предполагал! С годовщиной, любимая!*). Однако прочитать надпись не представлялось возможным, поскольку каждый сантиметр внутри открытки был занят рукописным изложением всего, что Фарух-Лейн знала о сложившейся ситуации.

Диклан прочел. Его лицо ничего не выражало.

Он оглянулся через плечо на Медфордский центр помощи, а затем на золотоволосого младшего брата, наблюдавшего за ними с усердием пса, которому велели ждать в машине.

Кармен ему сочувствовала. Жалость к Диклану Линчу, подавляющему любые внешние проявления собственной боли, далась ей гораздо легче, чем к Хеннесси, от которой волнами исходило страдание, стоило только девушке зайти в комнату. Фарух-Лейн не понимала Хеннесси, но знала, что такое любовь к брату.

Наконец Диклан бесстрастным тоном пробормотал:

– Не стоило мне звонить.

– Я дала слово. Пообещала устранить Брайда и вернуть тебе брата. Я не сдержала обещания. И сейчас это все, чем я могу помочь.

Он пристально изучал ее взглядом, а затем цокнул языком. Характерный, особый жест. Звук принятого решения. Диклан достал из кармана пиджака визитку и записал на ней

два номера телефона и адрес.

– Не хочу чувствовать, что остался в долгу.

Фарух-Лейн взяла карточку.

– Должна ли я поблагодарить?

– Думаю, это поможет тебе найти ответы на некоторые вопросы.

Кармен понятия не имела, какие ответы, по мнению Линча, ее интересуют, но произнесла:

– Что ж, тогда спасибо.

Парень слегка покачал головой.

– Все по справедливости. Теперь мы снова квиты.

– Как шпионы на мосту, – пробормотала Фарух-Лейн.

– Нет, как единственные здравомыслящие в этой ситуации люди, – поправил ее Диклан. Он по-прежнему казался энергичным и собранным, однако в его манере держаться появилась некоторая тревожность; он размышлял над тем, что она написала в поздравительной открытке. Волнение на краткий миг стерло годы с его лица, и на долю секунды он стал невероятно похож на своего брата Ронана.

Точнее, на Ронана, каким она видела его в последний раз. Не теперь. Фарух-Лейн завершила встречу рукопожатием.

– Удачи, мистер Линч.

– Удача, – с горечью произнес Диклан, – единственное, что мне точно не светит.

Ронану Линчу снилось Кружево.

Он двигался в нем. Парил сквозь него.

Ветви смыкались над его головой.

Тени сливались под ним.

Свет, переливающийся в океане, сеть тонких линий на поверхности, все сплелось и спуталось, образуя причудливые узоры.

Эй, я тебя знаю, – подумал он.

Я тоже тебя знаю, – ответило Кружево.

А потом сон исчез, и он оказался в море пустоты. В мире, где не существовало ничего, по крайней мере, ничего, что могли бы уловить органы чувств.

Вскоре в темном море появилась движущаяся яркая фигура. Сложно сказать, двигался ли он к ней или она к нему, но как только объект приблизился, он обнаружил, что это скопление сияющих потоков, волнистых, как морские водоросли.

Они были прекрасны.

Ему захотелось подобраться ближе, и, в конце концов, у него получилось. Дрейфуя, он влетел в ближайшее переплетение сияющих струй. Стоило только их коснуться, и его захлестнули удивительные образы. Он оказывался в самых невероятных местах: в особняках с высокими потолками; на

кладбищах, утопающих в зелени; на затонувшем в океане корабле; в сумрачных каютах с рядами коек; в темных тесных сейфах; в сияющих прозрачных водах озер; в музеях по ночам; в спальнях, освещенных солнцем.

Он старался задержаться на каждом месте как можно дольше, жадно впитывая окружающую обстановку, но его неизменно оттягивало обратно в море пустоты.

В какой-то момент он понял, что все эти места реальны.

Но не для него. Они настоящие для тех, кто в них обитал. Для их жителей. Для людей.

Их он тоже считал прекрасными.

Казалось, людей к нему тянуло. Они не сводили с него глаз. Склонялись к нему так близко, что он мог разглядеть слезы, повисшие на ресницах, или услышать прерывистые вздохи. Его бережно держали в ладони. Целомудренно касались губами. Благодарно прижимались щекой. Чье-то сердце билось рядом с его сердцем. Его разглядывали, обнимали, носили, обменивали, вешали на шеи и запястья, надевали, клали в ящики, прятали в коробки, роняли в растекающиеся лужи еще теплой крови, дарили, крали, его хотели, желали, жаждали.

Со временем он понял, что люди видят не его. Они смотрят на предметы, из которых он за ними наблюдает: на живительные магниты. Для людей он был картиной в мраморном зале, медальоном на груди, скульптурой гончей, которую обнимали целые поколения детей, сломанными часами

на камине. Он был кольцом на пальце и носовым платком в кармане, гравюрой и инструментом, которым ее вырезали. И даже больше, он был всем, что наполняло магнит: любовью, ненавистью, жизнью и смертью. Всем, что делало живительный магнит магнитом.

Живительный магнит, живительный магнит, заветное слово: *живительный магнит*. Знал ли он об их существовании до того, как оказался в этом месте? Наверняка где-то глубоко внутри его таилось это знание. Ведь благодаря им билось сердце мира. Они так прочно вошли в жизнь социума, что оказались тесно связаны со всем, во что люди верили и чего хотели.

Он не мог насытиться магнитами, как и те, кто смотрел на него с другой стороны. И поэтому пытался как можно дольше оставаться внутри каждого предмета. Его привлекали не только виды и звуки человеческого мира, но и эмоции. Всякий человек, глядя на живительный магнит, испытывал собственный калейдоскоп чувств. Гнев, любовь, ненависть, волнение, разочарование, горе, ожидание, надежда, страх.

И эти чувства он также считал прекрасными.

В пустом море, в котором он дрейфовал, не существовало ничего подобного им. Они казались чудесными и в то же время ужасными. Всепоглощающими, многогранными. Он невольно задумался, каково это — испытывать столь сильные чувства. И неожиданно вспомнил, что некоторые из них ощущались приятнее других.

Теперь он пребывал в замешательстве. Он это *вспомнил*?

Однако как следует поразмыслить над этой загадкой он не успел, поскольку вдруг попал в новый живительный магнит и понял, что видит перед собой знакомое лицо: Хеннесси. Оказывается, он позабыл, что может узнавать людей. А ее он точно знал! Ее лицо, имя, теплые слезы на его плече.

Она находилась в студии, в окружении как уже готовых, так и еще не законченных портретов. Видимо, его привлекло скопление энергии, исходящей от собранных здесь магнитов. При этом небольшой заряд окружал и саму Хеннесси. Девушка покрывала лаком установленный перед ней холст, отчего воздух вокруг потрескивал. Похоже, сам акт создания живительного магнита тоже являлся своего рода магнитом, уроборосом³ творца и творения.

Постепенно он осознал, что на самом деле смотрит не на Хеннесси, а скорее на Джордан. В ее манере не хватало присущей Хеннесси суматошности. А кроме того, он понял, что знает человека, чей портрет стоял перед ней на мольберте. Изображенный на холсте молодой человек расслабленно сидел в кресле, перекинув через колено пиджак, небрежно сцепив пальцы и чуть отвернув лицо, прятал улыбку, готовую расцвести на губах. Это был...

Диклан.

³ Уроборос – свернувшаяся в кольцо змея или ящерица, кусающая себя за хвост. Один из древнейших символов, обозначающий вечность, бесконечность и цикличность природы жизни.

Вслед за этим именем на ум пришло еще одно: Мэтью. Почему они вспомнились ему одновременно? Диклан. Мэтью. *Братья*. Точно, они братья.

Они...

Они *его* братья. Теперь он вспомнил. Вспомнил...

Вздрогнув, Ронан Линч вспомнил себя.

Он не всегда существовал здесь, в пустоте. Он был человеком. С телом. И именем.

Ронан Линч. Ронан Линч. Ронан Линч.

Студия Джордан стремительно испарилась прямо на его глазах; шквал эмоций швырнул его обратно в море пустоты. Он отчаянно сопротивлялся.

Джордан! – закричал он.

Однако его голос не имел звука, а живительные магниты не были открытым окном.

Ронан Линч. Ронан Линч.

Что, если он вновь себя забудет? А вдруг уже забывает? Случалось ли это с ним прежде? О боже, как долго он здесь находится, снова и снова забывая и вспоминая, забывая и вспоминая?

Он вновь обрел себя, паря в темном пустом море.

Его охватила тревога. Разум наполнили воспоминания о долине, изобиловавшей сараями и амбарами, о загонах, полных вечно спящего скота. Он пытался искать здесь живительные магниты. Нет. Он пытался их создать. Если бы только у него получилось сделать магнит для Мэтью. И для мате-

ри. Это бы все изменило. Даже разрушенную семью, семью Линч.

Как он мог все это забыть? Что еще ему предстоит вспомнить?

Ронан Линч чувствовал себя темным коридором, который неспешно, дюйм за дюймом освещал свет.

Он обратил свой взор на живительные магниты, ярко сияющие в темноте.

Раньше его вело любопытство. Бесцельно.

Теперь же он точно знал, что искал.

Диклан, Мэтью, Ронан. Братья Линч.

Парковка, покрытая коркой грязного льда. Автомобили, заляпанные брызгами соли. Голые кроны декоративных деревьев. Низкое плоское здание, окруженное чахлым кустарником. Поздняя зима или ранняя весна.

Ронан не мог с уверенностью сказать, сколько времени потратил, перебирая живительные магниты; время в бесконечном море текло иначе. Поначалу поиск шел мучительно медленно, но постепенно становилось все легче. И теперь он мог пожинать плоды своего труда: его сознание медленно вливалось в воздух парковки, где он мельком увидел две знакомые фигуры, направляющиеся к раздвижным дверям здания.

На шее одной из них висел живительный магнит – подвеска в форме лебедя. Не самый мощный экземпляр из всех, в которых успел побывать Ронан, но достаточно сильный. По крайней мере, сильный настолько, чтобы Ронан мог чувство-

вать себя вполне комфортно под ярким солнцем Новой Англии и следовать за вещицей, словно привидение.

Он не ощущал, тепло или холодно на улице, но мог улавливать информацию иного рода, для сбора которой его нынешняя форма подходила идеально. Он различал гул линий электропередачи в нескольких ярдах от себя. Ощущал, как в милях отсюда бушует океан. И чувствовал странную мертвенность в атмосфере; не предмет, а скорее пространство, где раньше этот предмет находился. Отсутствие энергии силовой линии.

Ронан проплыл по воздуху вслед за Дикланом и Мэтью, вошедшими в двери невысокого здания. Его потряс вид братьев. Мэтью выглядел старше, намного старше, чем тот долговязый старшеклассник, каким он его помнил. Угрюмое выражение лица младшего брата смягчала лишь копна золотистых кудрей, аккуратно уложенных на его голове. А вот Диклан показался ему гораздо моложе, чем Ронан помнил. Обычный парень лет двадцати, выглядящий старше из-за дорогого костюма и сдержанных манер.

Диклан совершил что-то ужасное по отношению к Ронану, да?

Название поступка внезапно вспыхнуло в его голове, хотя подробности по-прежнему оставались загадкой.

Предательство.

Злился ли Ронан на брата? Все казалось таким далеким. Возможно, гнев придет позже.

Оказавшись внутри, Диклан и Мэтью прошли мимо рядов инвалидных колясок и пустующих кресел, зарегистрировались у женщины за окошком из плексигласа, а затем проследовали за массивную широкую дверь. С противоположной стороны коридор занимали носилки и прочие медицинские приспособления. Его слух улавливал противное жужжание флуоресцентных ламп. С первого взгляда обстановка напоминала ветеринарную клинику или больницу, одно из тех заведений, в которых пол моют чаще, чем где-либо еще. Однако, похоже, это место не было ни тем, ни другим. Ронан по-прежнему не понимал, что его братья здесь делают.

Мэтью тоже выглядел озадаченным.

– Зачем мы сюда пришли? Здесь воняет, как от старой коробки из-под сока.

Диклан, не сбавляя шага, направился к лифту в конце коридора.

– Тебе стоило сказать Джордан, – посетовал Мэтью.

– Мэтью, пожалуйста, не сейчас, – ответил Диклан.

Лифт доставил их на второй этаж, столь же безлюдный, как и первый. Возле комнаты под номером 204 Диклан с загадочным видом сверился с поздравительной открыткой и набрал на клавиатуре 4314.

Замок с лязгом открылся.

Старший Линч вел себя настолько непринужденно, что только когда он шикнул на Мэтью «поторапливайся», Ронан понял, что они совершают что-то противозаконное.

Дверь, снова лязгнув, захлопнулась за их спинами.

В палате 204 царил полумрак, свет проникал сюда лишь из-под медицинских шкафов, выстроившихся у стены. Комнату разделяла занавеска. С ближайшей ко входу стороны стояла аккуратно застеленная кровать для медсестер. И хотя то, что находилось за занавесом, оставалось скрыто от глаз, Ронан его *почувствовал*. Нечто в этой комнате с мучительным голодом тянулось к живительному магниту Мэтью.

Мальчик беспокойно заерзал.

Диклан нашел выключатель. Флуоресцентные лампы ожили, когда он отдернул занавеску, открывая взорам...

– Это... – прошептал Мэтью, – *Брайд*?

Воспоминания обрушились как лавина. Казалось, чем больше Ронан вспоминал, тем сильнее давил груз прежней жизни. Наваливался на него.

Брайд, наставник Ронана, тот, кто отыскал Ронана и Хеннесси и возглавил их разрушительную кампанию по укреплению силовых линий, тот, кто познакомил их с другими сновидцами, жаждущими обрести надежду. Присненный сновидец, имеющий план.

Брайд, лежащий на больничной койке, казался таким ничтожным. Покрытым пылью. Его лодыжки и запястья привязали к поручням кровати, на спинке которой висел пластиковый файл с документами, словно лежащий здесь человек был товаром, выставленным на продажу, или трупом, ожидающим вскрытия. Однако он не умер. Он просто спал.

Мэтью устоял на мужчину.

– Почему он привязан к кровати?

– Его арестовали. Он пытался украсть картину.

Ронана охватило раскаяние. Как и прежде, сильная эмоция почти выбросила его обратно в море пустоты, но, приложив усилия, он уцепился за развернувшуюся перед ним сцену. Лучше быть здесь, испытывая это отвратительное чувство, чем снова оказаться в крошечной тьме, не чувствуя ничего.

– Эй, Дикло! – встревоженно воскликнул Мэтью. Брайд открыл глаза.

– Отлично, – произнес старший Линч.

Брайд даже не взглянул в их сторону. Он сосредоточил внимание на неровной поверхности потолка. Его горло дрогнуло, когда мужчина сглотнул. Он казался абсолютно поверженным.

Диклан склонился над Брайдом. Голос Линча оставался бесстрастным, но его взгляд метал молнии.

– Я буду краток, поскольку не желаю тратить больше энергии магнита, чем потребуется для того, чтобы ты, кусок дерьма, не заснул. Где Хеннеси?

Брайд лишь слегка покачал головой.

– Этого мало, – сказал Диклан.

– Придется довольствоваться этим. Она бросила нас в розовом саду.

Ронан вспомнил, что она фактически сбежала от них тем

вечером. Они попрощались позже, во сне. Хеннеси обвела вокруг пальца и Ронана, и Брайда, приснив шар, который отключил силовую линию. Она понимала, что из-за ее поступка Джордан заснет, а Ронан и вовсе может погибнуть. Но все равно пошла на это.

Злился ли он теперь?

Нет, все по-прежнему казалось очень далеким.

– Вопрос номер два, – потребовал Диклан. – Что случилось с Ронаном?

– Очевидно, вам ничего о нем неизвестно, – ответил Брайд.

– Ты можешь играть в эти игры с Ронаном, но со мной этот номер не пройдет, – отчеканил Диклан. – Он был рядом с тобой всего несколько месяцев. Со мной почти всю жизнь. Я провел свое детство, пытаясь оградить его от опасности. А что сделал ты? Разрушил его жизнь. Уничтожил все, чего он смог добиться.

– Ответь мне, старший брат, – сказал Брайд. – Ты пытался уберечь его от опасности или не позволить ему стать опасным?

Мэтью перевел взгляд с Брайда на Диклана и обратно.

– Ты ничего не знаешь о Ронане, кроме того, что он сам вложил в твою голову, – ответил Диклан.

Брайд оскалил зубы в легкой ухмылке.

– Тогда скажи мне, что значит: «Грейцорен».

Слово повисло в воздухе.

Грейуорен. Ронан стал ближе к разгадке этого слова, чем когда-либо прежде. Что-то в этом огромном пространстве, в том, чтобы смотреть на мир через живительные магниты...

– Спираль сужается, закручиваясь, как раковина улитки, но в игре еще остались свободные квадраты для прыжка. Прыжок, прыжок, прыжок, и ты в центре. Эта игра... – Брайд замолчал, скривив губы, от чего его лицо приняло несчастное выражение. Отвернувшись, он прошептал:

– Даже свет здесь издает шум.

Мэтью часто заморгал. Его глаза заблестели.

– Диклан, – хныкнул он. Сложно сказать, расстроило его, что Брайд забирает энергию его магнита, или что мужчина на больничной койке выглядит таким опустошенным. В конце концов, у него было столько же общего с Брайдом, как и с Дикланом.

– Ответь мне, Брайд, – потребовал Диклан. – Не говори загадками. Что не так с Ронаном?

– Все просто. Он намного сложнее устроен, чем я. Что от меня требовалось? Сделать все это стоящим для него. А что должен был сделать он? Гораздо больше. – Брайд взглянул на Мэтью. – Что ты чувствуешь?

– Я хочу домой, – прошептал мальчик старшему брату.

Прости, – сказал Ронан сновидцу, привязанному к кровати, но его голос по-прежнему никто не слышал.

– Я ничего не чувствую, – проговорил Брайд.

Свет погас. Диклан отвернулся, не проронив больше ни

слова. Когда дверной замок снова лязгнул, закрывшись за спинами братьев Линч, Брайд сглотнул и уставился в темный потолок.

Ронан не хотел оставлять бывшего наставника здесь в одиночестве. Он начинал понимать, что, создав Брайда, обрек его на жизнь в аду, в мире, который он был призван ненавидеть. Ронан не наделил его ни толикой оптимизма, ни элементарным умением радоваться. Так что Брайду предстояло самостоятельно научиться испытывать счастье, уже оказавшись наяву.

Впрочем, вряд ли он чему-либо научится, запертый в палате и привязанный к кровати.

Ронана вытолкнуло из комнаты ровно в тот момент, когда Брайд заснул.

Живительный магнит Мэтью увлек его в другой больничный коридор, где Диклан вновь изучил поздравительную открытку. На этот раз, просто сверяя номер комнаты, код доступа не требовался. Ронан ощутил нестерпимую, мучительную жажду, исходящую от того, кто ждал их по другую сторону двери, на которой рядом с номером красовалась табличка: «Джон Доу». Всем известное прозвище неизвестного пациента или жертвы.

Мэтью обхватил себя руками.

– Можно я подожду тебя в машине?

– Не суетись, ради бога, – ответил Диклан, поворачивая дверную ручку. Но Мэтью нервничал, и Ронан тоже. Он

также не желал заходить в эту комнату. В глубине души он уже знал, что находится по ту сторону двери. Просто не хотел, чтобы это стало правдой.

Диклан распахнул дверь, открывая взору внутреннее убранство комнаты. Обитатель этой палаты тоже спал.

Им оказался Ронан Линч.

Эй, проснись и пой.

– Значит, вы воровка, – сказала Сара Мачковски. – Так получается? Я не уберегла свое лицо и вы его похитили?

В художественной галерее «Мачковски и Либби» на улице Ньюбери, всего в паре миль от Диклана и Медфордского центра помощи, взгляды присутствующих сосредоточились на Джордан Хеннесси. Двое ее собеседниц были облачены в элегантные костюмы; Джордан Хеннесси в длинном гобеленовом пальто поверх белой майки выглядела воистину как творческая личность. Цветочный рисунок наряда повторял розы, вытатуированные на ее шее и пальцах, а светлый жилет подчеркивал смуглую кожу. Укротив свои афролоконы, девушка собрала их в пучок, и он вел себя прилично, но только пока. Ее лицо напоминало поэму, а улыбка светила лукавством.

– Не волнуйтесь. Оригинал все еще при вас, – беззаботно ответила Хеннесси.

«Мачковски и Либби» являлась одной из старейших и самых престижных галерей Бостона, и выглядела она соответственно, ловко сочетая ультрасовременное освещение и запах вековой плесени. Многостворчатые окна галереи выходили на оживленный, заполненный туристами тротуар. Внутреннее пространство исторического здания разде-

лялось на множество небольших залов с высокими потолками, в каждом из которых висели картины, объединенные не стилем, а размахом. На прикрепленных под ними табличках были указаны авторы, но не цены. Полотна, собранные на первом и втором этажах здания, воплощали собой успех, о котором большинство начинающих художников могли только мечтать. Однако Хеннесси пришла сюда не ради этого. Она явилась за тем, что по слухам, хранили на чердаке.

– Что вы использовали здесь? – спросила Мачковски, просматривая портфолио Хеннесси, папку, полную как подлинных работ, так и репродукций.

– Яичную темперу, – ответила Хеннесси. – Так делала моя мама.

Яичная темпера не отличалась легкостью в работе. Есть ли необходимость художнику в наши дни знать, как использовать столь устаревшую технику? Точно нет. Фальсификатору? Возможно.

– Необычно, – сказала Мачковски. – Множество нестандартных решений.

Женщина нахмурила брови, подражая изображению перед собой: собственному портрету, наспех написанному Хеннесси. Девушка провела бессонную ночь, разыскивая в Интернете владелицу галереи, изучая ее на фотографиях и на видео, пытаясь понять не только, как выглядит лицо незнакомки, но и как оно передает эмоции. Поначалу портрет, выглядящий как темпера, должен был стать хитрым и

забавным способом привлечь внимание Мачковски. Однако сейчас, наблюдая, как Сара касается еще липкого портрета и безучастно растирает краску между пальцами, Хеннесси сочла свой поступок неуклюжим и детским. Ведь она стояла посреди реальной галереи, а не на вечеринке или Волшебном базаре.

Ныне живущие художники, выставленные здесь, смогли выйти победителями в войне, где оружием служили дипломы художественных школ и навыки сетевого хейта. В одном из залов наверху продавался Ренуар, настоящий Ренуар. А Хеннесси заявила сюда со своими дешевыми трюками.

Но ты и есть торговец дешевыми трюками, – напомнила она себе. Хеннесси пришла не для того, чтобы ее работы отобрали для галереи. Она появилась здесь как Джордан Хеннесси, два человека в одном, Джордан плюс Хеннесси, чтобы заключить сделку с дьяволом и заполучить живительный магнит. Условия не подлежали огласке, но были ей известны. В обмен на возможность пользоваться живительным магнитом (даже не владеть им!) она будет вынуждена работать на Боудикку, синдикат, состоящий исключительно из женщин, который, смотря кого вы спросите, мог защищать интересы своих талантливых клиентов... или эксплуатировать их в своих целях. Боудикка целую вечность пыталась завербовать Джордан Хеннесси, не ведая, что предлагает сделку то Джордан, то Хеннесси. Джордан не желала в этом участвовать. Ей не нравилось чувствовать себя в ловушке. Хен-

несси также не поддавалась искушению. Боудикка не добилась от них ровным счетом ничего.

И теперь они владели тем, что хотела Хеннесси.

Мачковски вернулась к изучению портфолио. Хеннесси включила в него копии и подделки в самых разных стилях, на бумаге, на холсте. А также образцы подделанных печатей, скопированных подписей и источников, придуманных для ее прошлых фальшивок.

Внимание Мачковски привлекла аккуратная копия «Витрувианского человека» да Винчи, идентичная оригиналу пятнадцатого века, за исключением того, что изображенный на рисунке обнаженный мужчина держал сигарету.

– Берни говорил, что вы забавная. Мать многому вас научила, прежде чем... скончалась? – спросила женщина.

Дж. Х. Хеннесси. «Джей», как ее называли. Мать. Призрак в комнате.

«Мачковски и Либби» представляли работы Джей в Бостоне вплоть до самой ее смерти, поэтому разумный вопрос приобрел еще больше смысла.

Просто не отвечай, – сказала себе Хеннесси. Однако она никогда не прислушивалась к советам, даже к собственным.

– Старая добрая мамуля. Чему она меня научила? М-м-м... не оставляй не потушенные сигареты на пианино, не смешивай таблетки на школьной вечеринке, оставайся холостой, умри молодой.

Мачковски поджала губы, не сводя глаз с картины.

– Мне всегда было интересно, – сказала она, – каково это – быть ее дочерью. Значит, в обычной жизни ее поведение ничем не отличалось?

Хеннесси замялась.

– Я надеялась, что ее поведение – это обычное притворство. Игра на публику, – сказала Мачковски. – Сочувствую. Вам, наверное, нелегко пришлось.

Проницательность женщины неожиданно показалась Хеннесси неприятной. Она здесь не для того, чтобы ее заметили. Она пришла не в поисках сочувствия со стороны незнакомки и тем более не ради воспоминаний о ее детстве, которое, как ей казалось, со стороны выглядело не таким уж и ужасным. Имело ли для нее значение, что кто-то задумывался о ее детских страданиях?

Она предпочла бы ответ «нет». Так проще. Но по тому, как у нее перехватило дыхание, Хеннесси поняла, что ответ утвердительный. Для нее это было важно.

– Как думаете, вы в нее пошли? – спросила Мачковски.

Хеннесси моргнула, на мгновение скрыв свой пылающий взгляд, и сверкнула широкой пустой улыбкой.

– Вы видите сходство?

– Ваша техника более старомодна, – ответила Мачковски. – Вы используете цвет, словно старец. Если бы я поместила ваши работы рядом с работами вашей матери и не знала где чьи, то предположила бы, что вам гораздо больше лет, чем ей. Однако вы хорошо передаете мимику. Гораздо прав-

дивее.

Похвала сбила девушку с толку еще сильнее, чем сочувствие. Хеннесси была фальсификатором, копиистом, стоящим посреди галереи, полной оригинальных работ. Она снова добавила непринужденности в голос.

– Ну и кто теперь забавный? Обязательно передам ваши комплименты Сардженту. Ведь это его талантом вы восхищаетесь.

– Я вижу ваш почерк в набросках, – ответила Мачковски. – В точности линий. Джей никогда не уделяла должного внимания изучению техники. Или наблюдению за людьми. Вижу, вы уделите этому достаточно времени.

Сердце Хеннесси сжалось от внезапно охватившей ее скорби. В прошлом она принесла бы эти слова в свое логово и передала бы девушкам с ее лицом. Она повторила бы их как можно точнее, чтобы девочки могли не только насладиться заслуженным каждой из них комплиментом, но и позже при случайной встрече с Мачковски сыграть роль уже знакомой с ней Хеннесси.

Однако девочки были мертвы. Не будет ни буйного веселья, ни дикого смеха, ни вялого одобрения. Лишь тишина. В мире осталось всего две Джордан Хеннесси, и они не желали друг с другом разговаривать.

До сих пор.

Живительный магнит поможет двум выжившим Джордан Хеннесси стать равными, и тогда все наладится.

– Джо! – позвала Мачковски, аккуратно складывая поддельные эскизы. Она откинула голову назад, чтобы ее услышали в соседнем зале. – Джо! Кай, Джо Фишер там?

– Только что пришла, – отозвался голос.

– Отправь ее сюда, – попросила Мачковски. – Вы надолго в городе? – спросила она, обращаясь к Джордан.

– Теперь я здесь живу, – солгала Хеннесси и небрежно добавила: – Неподалеку от Гарднера.

– Обожаю Гарднера, – пробормотала Мачковски. – Джо, иди познакомься с нашей гостьей.

Джо Фишер оказалась молодой особой, выглядящей настолько безупречно, словно по ее персоне прошелся горячий утюг. Девушка держала наготове телефон, будто он в любой момент мог ей понадобиться, чтобы отослать экстренное сообщение. При виде гостьи в ее глазах мелькнуло узнавание.

– Джордан Хеннесси.

Ой-ой.

Хеннесси впервые ее видела. А значит, у Джо Фишер и Джордан имелась некая история, в которой ей предстояло сориентироваться на ходу. Задача привычная, но достаточно сложная – собрать двух Джордан Хеннесси воедино.

– Джо, – сказала Хеннесси. – Вот мы и встретились снова.

Мачковски с довольным видом наблюдала за их общением.

– Итак, вы знакомы, – сказала она. – Тогда, наверное, вам уже известно, что Джо помогает развиваться перспективным

и начинающим художникам. Талантам, не имеющим ни опыта, ни возможности выставляться в этой галерее или на других наших площадках. Она помогает ввести их в курс дела, что ускоряет процесс. Джо, мне пора на следующую встречу, поэтому взгляни на работы и дай мне знать, что думаешь.

В зале остались лишь Хеннесси, Джо Фишер и искусство вокруг них.

– Для человека, не желающего иметь с нами дела, ты слишком часто появляешься на нашей территории, – заметила Джо. – Решила стать знаменитостью?

– Я подумала, вам нужен фальсификатор, – ответила Хеннесси.

Джо небрежным жестом указала на стены вокруг.

– А я решила, тебя интересует это.

– Ведь о чем с детства мечтает любой человек: о фальшивой карьере в области искусства.

– «Пособие по экономике для чайников», автор Джордан Хеннесси, – бросила Джо Фишер.

– Оу.

– Чем, по-твоему, занимается Боудикка? – спросила Фишер. – Ты действительно понимаешь или все твои знания об этом почерпнуты из комиксов? Мы объединяем под своей крышей талантливых и влиятельных людей, чтобы другие талантливые и влиятельные люди могли без труда их отыскать. И забираем небольшой процент за свои хлопоты. Вот и все. По факту мы просто кучка бизнесменов, стремящихся доба-

вить в этот мир гармонии и при этом заработать на платеж по своей ипотеке.

– Ипотеке! У тебя нет ипотеки, – отмахнулась Хеннесси. – Но есть погибший комнатный цветок, домашний массажер и двухлетний договор аренды на квартиру, в которой ты не ночуешь.

Джо Фишер сверкнула глазами.

Хеннесси широко улыбнулась и добавила:

– «Путеводитель по взрослой жизни для чайников», автор Джо Фишер.

– Полагаю, мы начали не с той ноты, – проговорила Джо, ей явно потребовалось приложить над собой некоторое усилие, чтобы вновь обрести присущую ей любезность. – Ты хочешь попасть в нашу галерею, попробовать эту жизнь на вкус. Ездить по миру на открытия выставок и писать прижизненные портреты знаменитостей. Не вижу причин, почему нет. Ты красива, умна и достаточно талантлива. К тому же не слишком стара, чтобы показаться скучной. Ты будешь отлично смотреться на фотографиях. Однако ты не понимаешь, что к чему и кто есть кто. Ты преступница, которой нужен живительный магнит. Поэтому без нашей помощи тебе не видать ни магнита, ни той жизни, о которой мечтаешь. Итак, ты подпишешь договор или нет?

– С чего ты взяла, что мне все это нужно... – Хеннесси покрутила пальцем в воздухе, намекая на галерею, жизнь, перспективы. – Может, мое заветное желание – быть непри-

метным копиистом у вас на подхвате.

Джо Фишер прищурилась, глядя на собеседницу, затем склонила голову набок и прищурилась сильнее.

– О. Теперь понимаю. Ты – не она.

– Что?

– Ты другая. В тот раз я имела дело с твоим близнецом. Сестрой. Зависимой. Без разницы, кто она. У девушки грандиозные планы. А ты? Дарование? Или просто исполнитель?

Они знали.

Знали.

Она хранила эту тайну всю свою жизнь, являя миру лишь одну Джордан Хеннесси, в единственном лице. А теперь ее секрет раскрылся. Наверное, это было неизбежно. К моменту как Джордан прибыла в Бостон, Боудикка уже знала, что Джордан Хеннесси – сновидец. А учитывая, что конец прошлого года Хеннесси провела, уничтожая государственную собственность в компании Брайда и Ронана, а Джордан на пару с Дикланом Линчем зажигала на светских арт-тусовках по всему Бостону...

Их секрет раскрыли, потому что они перестали его хранить.

– Я сейчас пытаюсь придумать оправдание, – сказала Хеннесси. – Что-нибудь остроумное и убедительное. Просто дай мне минутку.

– Знаешь, не стоит. Мы хранили твой секрет столь же бережно, как и ты. Боудикка хранит много чужих тайн, – про-

говорила Джо Фишер. — Я не знаю причин, и меня не интересует, почему вы изображаете одного и того же человека, но из-за этого наша беседа выглядит поистине глупо. Можешь притворяться и дальше, но тебе не кажется, что стоит назвать мне свое имя, чтобы я правильно тебя понимала?

— Хеннесси, — ответила девушка, чувствуя облегчение, что больше не надо играть роль Джордан, половинки Джордан Хеннесси. — Я Хеннесси. Джордан действительно хотела здесь выставиться или это очередная бредятина от Боудикки?

— Джордан милая. — Джо Фишер ухмыльнулась. — Итак, у вас обеих есть половинка. Джордан и Хеннесси. Джордан Хеннесси. Знаешь, ты совершенно на нее не похожа. Мне следовало сразу догадаться. Так он для тебя? Живительный магнит?

Вопрос был задан не с целью оскорбить, но его суть полностью противоречила комплименту Мачковски. Разумеется, в глазах Джо Фишер именно Хеннесси выглядела зависимой. Одна половина Джордан Хеннесси вела себя как личность, как человек, наделенный властью. Она ворвалась в Бостон, боролась за место под солнцем в здешнем мире искусства, заводила связи, работала над собственными полотнами и дразнила Боудикку перспективой обрести наследство, а не просто построить карьеру. А затем появляется вторая девушка, которая притащилась сюда под видом первой и пытается выторговать жалкий кусок.

Впрочем, самым ошеломляющим чувством, поразившим Хеннесси, стало не разочарование, а захлестнувшая ее с новой силой волна скорби. Она скучала по Джордан и ее неиссякаемому оптимизму. В последние месяцы их совместной жизни Хеннесси думала лишь о том, как выжить и повеселиться в процессе. Джордан же прогуливалась по галереям, мысленно представляя свои работы на их стенах.

– Мой хорек. Он для моего хорька, – сказала Хеннесси. – Я чертовски привязана к этому созданию. Ты когда-нибудь смотрела на свои носки с мыслью: *вот бы они любили меня в ответ?* Так что для меня это не просто хорек, она...

– Неважно, – перебила ее Джо. – Давай продолжим.

Не успела дискуссия перейти в более продуктивное русло, как внимание Хеннесси привлекла знакомая фигура, застывшая в потоке незнакомцев, шагающих по тротуару за окном. Девушка тоже заметила Хеннесси и не сводила с нее глаз.

Это была Джордан. Настоящая Джордан.

– У вашего предложения есть срок? – спросила Хеннесси.

Джо Фишер скривила лицо, словно ей в глаз и в нос одновременно попала соринка. Она тяжело вздохнула.

– Две минуты.

– Ха-ха, – ответила Хеннесси. – Но, если серьезно, сколько у меня времени?

– Я не собираюсь сотрясать воздух, пытаюсь тебя уговорить. Если решишься сделать шаг, приходи на Волшебный базар на следующей неделе в Нью-Йорке. К тому времени

выбор будет невелик, поскольку магниты разлетаются как горячие пирожки. Я не собираюсь повторять наше предложение, но думаю, что ты ведешь себя глупо и недели вполне достаточно, чтобы ты это осознала.

Джордан провела ребром ладони поперек своего горла, без слов говоря Хеннесси: «*Завязывай!*»

– Придержи эту мысль, – сказала Хеннесси. – Мне нужно пообщаться с моей половиной.

Джордан вспомнила, как Хеннесси впервые сбежала из дома.

В то время они жили в уютном пригороде Пенсильвании, в двухэтажном доме, принадлежавшем отцу Хеннесси. Незадолго до этого Билл Дауэр завершил гоночную карьеру и теперь преподавал спортивное вождение в Поконо, в часе езды от их жилища. Скромная жизнь, маленький дом и тихий пригород, в котором без труда укрылись четыре одинаковые девочки: Хеннесси, Джордан, Джун и Мэддокс.

Тюрьма, созданная Хеннесси.

После смерти Джей Билл Дауэр еще какое-то время жил в Лондоне... точнее, он позволил Хеннесси еще какое-то время пожить в их лондонском доме. Как и до смерти жены, он садился в машину и исчезал, отсутствуя большую часть года. Домработницы, на попечение которых он оставлял Хеннесси, сбегали, как только за его спиной захлопывалась дверь. Конец этому настал, когда количество арестов Хеннесси достигло пугающей цифры. Осознав, что город, где родилась его покойная супруга, не сулит ничего, кроме бесконечных проблем, Билл Дауэр прихватил проблемную дочь и перебрался в дом своего детства в Пенсильвании. Что стало настоящим испытанием для Хеннесси и ее девочек, поскольку план включал в себя разные гостиничные номера и пас-

порт, несколько раз отправленный по почте через Атлантику. Причем сама Хеннесси отправилась первой, а Джордан – последней. Ведь Хеннесси могла на нее положиться – для того чтобы их секрет и дальше оставался секретом, всегда требовалась масса бумажной волокиты.

Пенсильвания! Джордан и Джун были не настолько похожи на Хеннесси, как Мэддокс, но в одном девочки оказались единомышленны: они ненавидели Пенсильванию.

И поэтому использовали ситуацию по максимуму. Прогуливали занятия в школе. Катались на машинах Билла Дауэра. Сбегали на несколько часов в клуб, где танцевали по двое, а иногда и втроем, но только если третьей была Джун. Поскольку она выпрямляла волосы, отчего в полумраке клуба превращалась в совершенно другого человека. Они творили. В частности, Джордан и Хеннесси. Созданные ими работы приносили деньги, а их общее имя обрело вес в определенных кругах.

Хеннесси продолжала грезить. Она приснила Альбу, некоторое время спустя разбившуюся на машине. Приснила Фарру, просуществовавшую ненадолго дольше своей предшественницы.

– Отличный способ отвертеться от работы над наброском Лейтона, – прокомментировала Хеннесси самоубийство Фарры. Она намеренно вела себя грубо, поскольку Джун, снедаемая чувством вины, не переставала плакать. Ведь

именно она первой познакомилась с женатым мужчиной, впоследствии разбившим сердце Фарре.

– Ты сволочь, – заявила Джун Хеннесси, без стеснения используя слово на букву «с». – Пойди, присни себе гребаное сердце.

– Да, крошка, – начала Джордан. – Прояви немного...

– Давай, закончи предложение, – парировала Хеннесси. – Кстати, а где же *твои* слезы, Джордан? Ни одной не заметила. Сперва смылась Альба. Теперь мы должны носить траур по Фарре? Собираешься делать это *каждый* раз, когда кто-то умирает? Тогда запасайся черным. А вообще, я бы предпочла, чтобы вы все уже на хрен сдохли. Скорее бы вы все умерли, чтобы мне не приходилось постоянно пялиться на свое гребаное лицо. Как же меня бесит, что природа-матушка позволила всем вам выбраться из моей головы.

Джун уставилась на нее. Наконец, придя в себя, девушка произнесла:

– Ты нас не достойна.

Джордан промолчала, не согласившись с ее словами, но и не возразив. На этом все и закончилось.

В ту ночь Хеннесси сбежала.

Она не отвечала на звонки и не перезванивала. Однако никто из девочек не заснул, поэтому они были уверены, что Хеннесси жива. Джун и Мэдокс опасались, что она уже никогда не вернется, но Джордан знала ее гораздо лучше. Угнав машину, она отправилась в ночной рейд по всем местам, где

они любили тусоваться с Хеннесси. Железнодорожный вагон, когда-то переоборудованный в дом на колесах, а затем окончательно пришедший в негодность. Железный мост, на который они любили взбираться просто потому, что он не был предназначен для того, чтобы на него кто-то взбирался. Узкий проулок между зданием средней школы и спортзалом; обладая достаточной сноровкой, можно было упереться ногами в одну стену, спиной в другую, и забраться на самый верх, чтобы курить прямо над головами учителей, не понимающих, откуда пахнет сигаретным дымом.

В конце концов, она обнаружила Хеннесси под мостом, где они периодически занимались настенной живописью и вели беспорядочную войну с граффитчиками. На этот раз мерзавцы с баллончиками закрасили почти половину скрупулезно воссозданной Хеннесси «*Тайной Вечери*» (каждое лицо на картине художница заменила своим). Однако вместо того, чтобы в очередной раз восстановить изображение, девушка выводила на стене обстоятельный ответ.

– Желтый или синий? – как ни в чем не бывало спросила Хеннесси.

Джордан неторопливой походкой подошла ближе.

– Синий, – как ни в чем не бывало ответила она.

Позже девочки спросят Джордан, как она смогла ее найти. Правда лежала на поверхности: Хеннесси хотела, чтобы ее нашли.

Джордан провела с Хеннесси больше времени, чем

остальные девочки, просто потому, что появилась на свет задолго до них, и поэтому наблюдала подобное поведение не впервые. Хеннесси сбежала, потому что завидовала. Она завидовала Фарре, что та умерла. Завидовала, что Джун оплакивала ее смерть. Завидовала, что Джордан попыталась за нее вступить. Так что Хеннесси наговорила гадостей и сбежала. Не слишком далеко, но достаточно, чтобы снова выйти победителем в этой игре. Цель заключалась в том, чтобы как можно дольше удерживать внимание Джордан.

Вскоре после инцидента девочки покинули их, все вместе. Джордан не сомневалась, что этим все и закончится. Все Хеннесси были связаны друг с другом незримыми нитями. Сны не могли покинуть сновидицу, ведь чтобы не заснуть, они должны быть уверены, что она в порядке. Сновидица тоже не могла расстаться со своими грезами, поскольку, не видя их перед собой, как ей быть уверенной, что она еще жива?

Итак, они встретились снова.

С тех пор как Джордан поселилась в Бостоне, они виделись всего лишь раз, и его хватило, чтобы Хеннесси вновь наговорила гадостей и сбежала. Как обычно. На самом деле она не имела в виду ничего из сказанного. Просто ей нужно было уйти, чтобы потом снова вернуться. Чем сильнее оттянешь резинку, тем быстрее она вернется обратно.

Однако теперь все изменилось.

– Ты похудела, – сказала Хеннесси, когда дверь галереи

захлопнулась за ее спиной.

– Что ты здесь делаешь?

– Ни привета? Ни поцелуя? Даже без языка? Мы сто лет не виделись, и ты даже не скажешь, как потрясающе выглядят мои волосы?

Потрясающе она не выглядела. Хеннесси выглядела взвинченной. Трудно сказать, чем это было вызвано, воздействием препаратов или тем, что она просто оставалась собой. Ее взгляд казался пустым, а губы все так же недовольно поджатыми, хотя она и пыталась улыбаться. Прошло не так много времени, но разлука странным образом изменила восприятие Джордан. Внезапно девушку потрясла реальность существования Хеннесси, ее двойника. Джордан. Хеннесси. Джордан Хеннесси. *У нее мое лицо*, – подумала Джордан. – *У нее мое тело*.

Только сейчас она осознала, что раньше всегда думала: *у меня ее лицо, у меня ее тело*.

Все действительно изменилось.

– Полчаса назад мне позвонил знакомый с вопросом, как все прошло, потому что меня заметили входящей в двери «Мачковски и Либби», – сказала Джордан. Ей и в голову не пришло придумать объяснение своему визиту; как быстро позабылись реалии прошлой жизни. – Что ты там делала?

– Знакомый? – Хеннесси задорно подергала бровями.

Ее веселье вызвало у Джордан лишь желание вlepить ей пощечину.

– Да, знакомый. Ты его не знаешь, верно? Потому что не живешь в городе. Ты никого здесь не знаешь.

Хеннесси одарила ее великолепной широкой улыбкой.

Улыбка обеих девушек была великолепна.

– Теперь знаю. Джо Фишер – очаровательная мелкая сучка.

От мысли, что люди будут общаться с Хеннесси, принимая ее за Джордан, щеки девушки вспыхнули. Хеннесси, болтающая с владельцем галереи, с которым Джордан столкнется на коктейльной вечеринке через пару недель, с продавцами в магазине художественных принадлежностей, с Дикланом.

Оглянувшись на толпы туристов, слоняющихся по улице, Джордан схватила Хеннесси за локоть и ринулась сквозь толпу на тротуаре. Сумка-портфель шлепала ее по боку в такт их шагам.

– Не стесняйся, дай волю рукам! – подбодрила ее Хеннесси.

Джордан промолчала. Она не сбавила шага, пока не свернула в узкий переулок в конце квартала. В прохладном полумраке воняло мусорными баками и тухлой рыбой, но хотя бы не было лишних зрителей. Она оттолкнула от себя Хеннесси.

– Ты не имеешь права вот так врываться в мою жизнь!

– Говорит та, которая десяток лет жила в моей, – ответила Хеннесси. – В любом случае ты должна понимать, что я

делаю это для тебя. Пытаюсь достать живительный магнит.

– Для меня? – переспросила Джордан, недоверчиво усмехнувшись. – Ты явилась туда, чтобы вверить мою жизнь в руки Боудикки в обмен на магнит? Какая самоотверженность! А где ты была три дня назад? Я могла давным-давно спать где-нибудь в чистом поле. Я могла умереть.

– Но не умерла же, – ответила Хеннесси. – Взгляни на себя! Пышешь здоровьем. Глаза горят. Хвост трубой. Разве может красота весны сравниться с влюбленной женщиной? Ты поэтому не заснула?

Значит, вот как.

Именно так раньше начинались их бесконечные перепалки. Джордан уже видела, что Хеннесси жаждет запустить свои когти в Диклана и во что бы ни стало превратить его отношения с Джордан во что-то грязное и одноразовое, отвратительное и порочное.

– Нет, – проговорила Джордан.

– Ты о чем?

– Нет. Этого не будет, – сказала Джордан. – Зачем ты приехала на самом деле?

– Я здесь, потому что ты меня искала, – ответила Хеннесси. – Не ты оставила мне три голосовых сообщения с вопросом, где я? Не ты писала на старые добрые форумы, пытаясь выяснить, не видели ли меня в дебрях Массачусетса? Разве ты не ждала, что я волшебным образом вновь появлюсь в твоей жизни?

Ее слова не были ложью, но они не были и правдой. Почему Джордан так долго все это терпела? Потому что ей пришлось. Нет, это вранье. В конце концов, Хеннесси оставалась ее лучшей подругой... лучшей подругой, которая пожелала ей смерти. А теперь, спустя несколько дней как все грезы загнули, решила побеспокоиться о ее благополучии.

– Это сделала ты, верно? – внезапно спросила Джордан.

– Что именно?

Джордан не понимала, почему так уверена, она просто знала. Это был самый ужасный поступок, который мог прийти ей в голову, поэтому девушка не сомневалась, что ее догадка верна.

– Силовая линия, уснувшие грезы. Твоя работа, да? Не знаю как, но ты это сделала. Уничтожила линию, чтобы перестать грезить. Ведь так?

Она застала Хеннесси врасплох. Ее необычайно словоохотливая половина на мгновение лишилась дара речи. И Джордан окончательно убедилась в своей правоте. Проще всего отрицать. Объяснение и оправдание требуют времени. Девушка точно уловила момент, когда Хеннесси справилась с шоком и начала придумывать дерзкий ответ.

Джордан ее опередила:

– Скажи, силовая линия мертва навсегда? Возможно ли исправить то, что ты натворила?

– Наш разговор вдруг стал невыносимо скучным, – ответила Хеннесси.

Внезапно Джордан совершенно иначе взглянула на то, как на протяжении последних дней она снова и снова оставляла голосовые сообщения. Ей казалось, она звонила, чтобы убедиться, что с Хеннесси все в порядке, чтобы успокоить ее, заверить, что Джордан не уснула. Однако теперь она подумала, что дело вовсе не в этом. Может, она звонила, чтобы узнать наверняка, покончила ли наконец Хеннесси с собой. Тогда Джордан смогла бы перестать оглядываться назад и продолжить спокойно жить дальше. Наверное, это были и не телефонные звонки вовсе. А букет цветов на могиле некогда любимого друга.

– Ты столько лет твердила, что хочешь, чтобы я жила собственной жизнью, что я заслуживаю жить по-настоящему. Но всякий раз, стоит мне сделать шаг в этом направлении, ты все портишь, – сказала Джордан. – Это моя жизнь. Понимаешь? Мы больше не один и тот же человек! Я хочу хорошую студию, шикарные галереи, модные тачки и большое будущее. И я хочу Диклана. Ты не обязана желать того же, что и я. Потому что это мои мечты, понимаешь? Неужели ты не можешь просто за меня порадоваться? Проявить хоть немного уважения моему счастью?

– Я не испытываю ни капли уважения к картинам с сиськами, с которыми ты делишь свою студию, – ответила Хеннесси. – Глядя на них, я ощущаю, как исчезают мои собственные.

И тут Джордан перестала даже злиться. Она чувствовала

лишь разочарование.

– Так ты можешь исправить то, что наделала, или нет?

Хеннесси промолчала, молча перебирая сухие листья, падавшие на крышку одного из мусорных баков.

– Ты считаешь, что лишила меня воспоминаний о Джей, потому что ненавидела ее, но знаешь, что я об этом думаю? В глубине души ты решила ими не делиться, потому что боялась, что я пойму, как сильно ты на нее похожа.

В глазах Хеннесси тлело пламя.

Джордан видела, что она изо всех сил старается подобрать ответ, который ранит так же глубоко. И поэтому снова ее опередила:

– Я больше в тебе не нуждаюсь, Хеннесси. Возможно, я на мгновение решила, что это не так. Но ошиблась. Ты отвратительна и превращаешь в грязь все, к чему прикасаешься. Все кончено.

– Ну, конечно.

– Сделай одолжение: сотри мой номер. И убирайся из моего города.

– Отличная сцена для фильма, – заметила Хеннесси.

Джордан шагнула назад.

– Это конец.

В глазах Хеннесси вспыхнули искры.

– Ты еще передумашь.

В точности как она. Мнение Хеннесси не отличалось постоянством.

Однако на самом деле Джордан мало чем напоминала Хеннесси. Уже нет.

И кажется, впервые в жизни она стала той, кто уходит.

Неподалеку от места, где Джордан Хеннесси рассталась с Джордан Хеннесси, дела у Диклана Линча тоже шли неважно. После того как он забрал Ронана из центра помощи, его день довольно быстро пошел наперекосяк. Десятиминутный крюк в аэропорт, чтобы забрать срочную посылку клиента, обернулся двухчасовой задержкой, поскольку из-за случившейся в туннеле аварии они застряли в пробке под Гаванью. Машины впереди, машины позади. Повсюду, насколько хватало глаз, горели красные стоп-сигналы.

Трое братьев Линч наконец-то вновь собрались вместе. Диклан за рулем. Мэтью, беспокойно ерзающий на пассажирском сиденье. И безмолвный Ронан, неподвижно сидящий на заднем сиденье.

Конечно, все это казалось неправильным. Это всегда будет казаться таковым.

Ронан спал, когда его братья вошли в палату в центре помощи.

Он так и не проснулся, когда к нему подбежал Мэтью и обнял его за голову.

Ронан не проснулся, пока Мэтью помогал Диклану донести его безжизненное тело до машины. И даже пока младший брат поправлял его руки и так и эдак, пытаясь придать ему вид Ронана, небрежно отдыхающего на заднем сиде-

нье. Мальчику никак не удавалось передать присущую бодрствующему Ронану свирепость. Впрочем, принятые им меры привели лишь к тому, что брат стал напоминать труп на портрете викторианской эпохи.

Однако он не был трупом. Он обошелся гораздо дороже, чем труп. Диклану некстати вспомнилось, как он устраивал в кресло в Амбарах не то живое, не то мертвое тело Авроры Линч.

Как же он умудрился родиться в этом адском беличьем колесе.

– Не произноси ни слова, пока мы не окажемся дома, – велел Диклан Мэтью, стоило им покинуть центр помощи. – Пожалуйста, дай мне подумать.

Тишина продержалась, пока в туннеле не загорелись тормозные огни. Медленно подъехав ближе, они тоже остановились. Пять минут спустя Мэтью заерзал. Через десять начал оборачиваться на Ронана. Через пятнадцать...

– Почему он спит? – спросил он.

– Я не знаю, – ответил Диклан.

– Он что, сон?

– Не знаю.

– Тогда почему моя лебединая штуковина его не будит?

– Не знаю.

– Значит, он всегда был сном?

– Мэтью, я не знаю. – Телефоны Диклана гудели наперебой. Машины впереди не двигались. Машины позади не дви-

гались тоже. Ему был нужен план на этот случай, но он никак не мог собраться с мыслями. *Оказалось, что он больше, чем просто сложная машина.*

– Почему он истощает моего лебедя, но не просыпается? – посетовал Мэтью.

Истощает? Диклан скрыл тревогу. Он рассчитывал, что если Ронан так и не очнулся, значит, живительный магнит на него не действует. А в результате оказался заперт в туннеле с двумя изголодавшимися по силовой энергии персонами и одним магнитом.

– Не знаю.

– А что ты знаешь?

Диклан недоумевал, почему вечный сон достался Ронану, а не ему.

– Я знаю, что этот магнит обошелся мне в целое состояние, я не смогу купить еще один. А значит, этот надо использовать разумно, если ты хочешь дожить до конца учебного года.

На лице Мэтью внезапно отразился ужас.

– Ты хочешь, чтобы я проспал все лето?

– Давай не будем забегать вперед, – ответил Диклан, слишком поздно осознав свою ошибку. Телефоны продолжали гудеть. Какой-то придурок позади них посигналил. Что ж, Бостон, похоже, сегодня никто никуда не поедет. Эй, проснись и пой, проснись и пой. – Мне надоело слушать выхлопную трубу идиота перед нами. Давай включим радио.

Но Мэтью уже закусил удила.

– погоди секунду. Одну драгоценную секундочку. И вообще, что ты собираешься с ним делать, когда мы вернемся домой? Будешь *хранить* его в чулане, как старую мебель? Или как М...

– Мэтью, – прервал его Диклан, – ты можешь вести себя тихо? – В салоне машины мгновенно воцарилась тишина. Когда-то давно Ниалл Линч неизменно начинал свои истории с этого вопроса, произнесенного с особой интонацией. «*Ты можешь*» – нараспев, затем скороговоркой: «*вести себя тихо*». Мальчики забирались на кровать Мэтью, чтобы послушать рассказ отца, а Аврора устраивалась рядом в кресле. Порой Диклан задумывался, как такое недолговечное создание, как семья Линч, могло оставить после себя столь сильное впечатление. Близок день, когда часть жизни, проведенная без них, станет дольше, чем с ними, но воспоминания о семье по-прежнему полностью владели им.

Притихший на пассажирском сиденье Мэтью, словно ребенок, спрятал ладони под колени и втянул шею в плечи.

– Давным-давно, задолго до того, как ты появился на свет, до того, как на свет появился я, до того, как появился отец моего отца, и даже раньше, Ирландией правили несколько королей, – продекламировал Диклан. Поначалу он отчетливо улавливал в своих словах отцовскую интонацию, но не смог себя заставить от нее избавиться. Умение рассказывать истории оказалось едва ли не единственной родительской за-

слугой Ниалла.

– Нет, – запротестовал Мэтью. – Только не старую историю.

– Все эти истории старые.

– Я точно помню, что не все.

Ниалл изредка разбавлял старые сказки новыми, но их сюжет оставался прежним: отважный юный герой Мэтью случайно попадает в неприятности, а неисправимый балагур Ниалл неизменно появляется в последний момент и успевает его спасти. Порой в историях появлялись и Диклан с Ронаном. Старший брат в роли ворчливого служителя закона, а средний – вершителя хаоса.

Диклан понимал, о чем просит Мэтью, но у него не хватало ни смелости, ни фантазии, чтобы выдумать подобную историю на ходу. Впрочем, он точно знал, о чем мечтает мальчик. Мэтью хотел историю о недолговечном создании. Жаждал сказку о том, как хорошо им жилось когда-то.

Вздохнув, Диклан окинул взглядом нескончаемую вереницу машин и начал:

– Однажды отец подарил мне грезу.

Мэтью удивленно распахнул глаза.

– Я забрал ее с собой в Агленби, – продолжил Диклан. – А потом в свой таунхаус. И привез ее сюда. Я легко избавлялся от других грез. Продавал их, обменивал. Не знаю, почему сохранил эту. Может, просто потому что она красивая. Моне... Ты знаешь Моне? Наверняка. Он написал водяные ли-

лии, их видел каждый. Так вот, Моне однажды сказал: *«Каждый день я открываю все большие и большие прекрасных вещей. Этого достаточно, чтобы свести меня с ума»*. Или, может быть, «свести кого-то с ума». Неважно. Мне кажется, в этом все дело. Греза оказалась настолько прекрасной, что я стал одержим ею. Я сошел с ума.

И продолжал сходить, ведь по прошествии стольких лет он все еще ее хранил. У него осталось лишь две грезы, которые он не продаст никогда. Первую подарил отец. А вторую, представляющую собой сгусток света, много месяцев назад дал ему Ронан.

– И что же это за греза? – прошептал Мэтью.

– Мотылек. Огромный. Размером с папину ладонь. Белого цвета или зеленого, а может, и того, и другого. Он цвета залитого лунным светом сада, вот какого цвета. Мотылек был сном. А значит, Ниалл мог придать ему любой окрас, какой бы ни пожелал, даже если такого цвета не существует в природе.

– У мотылька были такие красивые глаза. Большие, как... – Диклан поднял руку, показывая пальцами размер крупного шара. – Черные, блестящие и умные, как у свиньи.

– Фу!

– Нет, нет. У мотылька были такие же пушистые ресницы, как у тебя, – добавил он, и Мэтью легонько коснулся своих ресниц. – И длинные, словно покрытые перьями, усики. Он не выглядел отвратительным, просто животное, только и

всего. Он был... прекрасен.

– Мотыльки – это насекомые, – пробормотал Мэтью.

– Их крылья напоминают гобелен. В следующий раз, когда увидишь мотылька, взгляни на него поближе, присмотришься внимательно. Только не трогай, – сказал Диклан. – Мне всегда хотелось к нему прикоснуться, но папа запрещал. Он говорил, что если дотронуться до крыльев, то можно повредить тонкий пух мотылька, и он уже никогда не сможет летать. Но, Мэтью, невозможно увидеть мотылька и не пожелать к нему прикоснуться. *Почувствовать* кончиками пальцев его бледно-зеленый мех.

– М-м-м, – протянул притихший Мэтью. Он прикрыл глаза, словно тоже представлял перед собой мотылька. Впереди замигали стоп-сигналы, но они лишь выдавали чье-то раздражение, а не указывали на изменение дорожной ситуации.

Может, сделаем для него домик? – спросил Диклан у Ниалла. – *Коробку? Чтобы он был в безопасности?*

Он станет биться о стенки, – ответил Ниалл. – *Ведь мотыльки стремятся летать. Их век короток. Он должен взлететь, исполнить свое мотыльковое предназначение, а потом его съедят или он улетит к солнцу. Так поступают все мотыльки. Да, и как накормить твоего нового друга? У него вообще есть рот?*

На глаза Диклана навернулись непрошеные слезы, то ли от осознания мимолетности существования этого прекрасного создания, а может, просто от его красоты. Поэтому Ниалл

быстро добавил:

– *Можно сделать одну из стенок коробки стеклянной, тогда его будет видно, и никто до него не доберется. Конечно, если ты хочешь.*

– Отец сделал для мотылька небольшую коробочку. Своими руками, без помощи снов, – продолжил Диклан. В то время это казалось ему невероятно важным. Ниалл поклялся, что не приснил коробку, а сколотил и отшлифовал в мастерской. Однако годы спустя вспоминая свою настойчивую просьбу, чтобы коробка непременно была *настоящей*, а не присненной, Диклан снова чувствовал жжение в глазах. Он хотел бы вернуть свои слова обратно. – Чтобы я мог носить ее с собой и любоваться грезой, когда захочу.

Первое время мотылек бился о стенки, а потом понял, что ему не выбраться. Когда погиб Ниалл, греза, разумеется, заснула и уже не тревожилась о том, в коробке она или на воле.

– Он все еще у тебя? – спросил Мэтью.

– Я проверял на нем твой кулон. Если хочешь, покажу тебе, когда вернемся домой, – сказал Диклан и почти сразу пожалел о своем предложении. Еще один сон, тянущий энергию из магнита. Интересно, сколько еще грез он сможет выдержать? Магнит. Сколько еще грез сможет выдержать магнит?

– О нет! Диклан! – воскликнул Мэтью.

Мальчик повернулся, вглядываясь в полумрак на заднем сиденье. Неподвижная фигура Ронана не сдвинулась с места,

но кое-что все же изменилось: из его глаза медленно текла тонкая черная струйка.

Ночная грязь.

Ронан не раз навещал Диклана и Мэтью в их доме в округе Колумбия. Но поскольку Вашингтон располагался слишком далеко от силовой линии, парня неизменно настигал приступ ночной грязи, вынуждая бежать прочь из города. Ночная грязь диктовала правила, многочисленные и с каждым разом все более жесткие. Ронан должен был грезить, иначе начиналась ночная грязь. Он был вынужден постоянно возвращаться к силовой линии, иначе начиналась ночная грязь. Он был вынужден грезить все чаще и дольше, иначе начиналась ночная грязь. Он был вынужден оставаться на силовой линии, иначе начиналась ночная грязь.

И сейчас Ронан нарушал все эти правила. Он не мог грезить, поскольку не мог очнуться. К тому же линии, к которой он должен был вернуться, больше не существовало. Остался лишь стремительно слабеющий живительный магнит Мэтью.

– О нет, – повторил мальчик.

Еще одна струйка черного просочилась из глаза, стремительно догоняя первую. Ронан не двинулся с места. Движение в тоннеле тоже. Лишь уничтожающая сновидца темная жидкость стекала по его лицу.

Теперь Диклан понял, почему Брайд пытался вынести Климта.

Он нацелился на всемирно известный магнит, ведь обыч-

ный с проблемой бы не справился. Бездонная пропасть жаждала все больше, и больше, и больше.

Хватит, – подумал Диклан. – Достаточно.

Мэтью дрожал. Костяшки его пальцев побелели. Он с такой силой сдвинул пальцами виски, что Диклан видел красные полумесяцы, остающиеся на коже от ногтей. Мальчик негромко издавал какой-то звук. Его взгляд остекленел. Однажды, вскоре после того, как Ронан дал Диклану сгусток света, с братом случился настолько сильный приступ ночной грязи, что даже его грезы начали сочиться черной жидкостью. Все, включая Мэтью. Сейчас грязь не текла, но, похоже, мальчик помнил тот случай.

– Мэтью, успокойся, – сказал Диклан. – Мы справимся.

– Нет, – ответил Мэтью. Звук его голоса эхом разнесся в салоне. – Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

У каждого есть предел возможностей, – сказал как-то Диклану один знакомый. Этот человек не был его отцом, скорее одним из множества мужчин, которых Диклан в подростковые годы объединил в абстрактное подобие фигуры родителя. Среди них встречались учителя, консультанты, работодатели, просто знакомые, мастера по ремонту мелкой бытовой техники, педиатры, дантисты, библиотекари. Их объединяло то, что они любили давать советы. Порой Диклана отводили в сторонку на вечеринке, а иногда с ним делились опытом под ворчание кофеварки в комнате отдыха. Или он получал письмо по электронной почте с темой вроде «не мо-

гу выкинуть из головы наш разговор».

Диклану постоянно встречались люди, которые, в отличие от Ниялла Линча, с радостью делились с ним премудростями жизни.

Когда люди достигают предела своих возможностей, – сказал Диклану этот человек, рассматривая ручки в ящике своего стола и выбирая наиболее достойный экземпляр оружия, – они увязают. Конечно, не следует путать почти предел и реальный максимум. Порой человек оказывается опасно близок к нему, но все еще находит в себе силы. Однако для того, кто действительно достиг предела своих возможностей, не имеет значения, ослабнет ли давление, пусть даже на мгновение. Машина уже несется в сторону обрыва. С виду может казаться, что человек в полном порядке, но это далеко не так. Случается любая, даже самая незначительная мелочь и... щелк! Именно в этот момент ты должен сделать свой ход.

Диклан давно позабыл, говорил тот парень о бизнесе, политике или свиданиях. Он помнил лишь фразу. *Предел возможностей.*

– Нет. Нет. Нет. Нет, – твердил Мэтью как заведенный, постепенно наращивая громкость. – Нет. Нет. Нет. НЕТ. НЕТ. НЕТ. НЕТ. НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Мальчик достиг предела возможностей. Его голос больше не напоминал человеческий. Он звучал как вещь, бездумно, непрерывно издающая сигнал о надвигающейся катастрофе.

Диклан не думал. Он просто сорвал кулон с лебедем с шеи Мэтью.

Казалось, его рука точно знала, где схватить, чтобы пальцы зацепились за цепочку, и как дернуть, чтобы щелкнул замок.

Мэтью не успел среагировать, Диклан проворно распахнул дверцу автомобиля и выскочил в гулкий туннель. Он отступил к стене на шаг, на два, затем на три и обернулся, оценивая расстояние до машины. Сердце бешено стучало в груди. Вокруг нестерпимо воняло выхлопными газами и дохлой рыбой.

– Диклан? – проговорил Мэтью.

Мальчик пристально смотрел на брата через распахнутую дверь автомобиля. Он не предпринял ни единой попытки помешать Диклану забрать кулон; ему не приходило в голову, что брат может так с ним поступить. На лице мальчика было написано полное недоумение, взгляд потускнел. Он кивнул. Мэтью не впервые проигрывал бой с этим незримым врагом, поэтому знал, что сопротивление бесполезно. Откинувшись на спинку сиденья, он не сводил глаз с брата.

Мальчик судорожно вздохнул, закрыл глаза... и заснул.

Диклан замер у сырой стены туннеля, чувствуя под ногами гул застрявших в пробке машин. Он повторял себе, что если не сохранит магнит, останется единственным на свете братом Линч. Убеждал себя, что Мэтью ни за что не согласился бы добровольно отдать вещицу. Твердил, что поступил

правильно.

Однако его не оставляло чувство, что на этот раз он предал обоих братьев.

Больше никогда, – сказал он себе.

Однако никогда не говори никогда.

Заметив, что оказался в центре внимания скучающих водителей, Диклан отвернулся к стене и сделал вид, что его тошнит. Он вытер рот, подошел к багажнику и засунул магнит в дальний от пассажирского сиденья угол. Потом демонстративно достал бутылку с водой, словно желание напиться стало единственной причиной открыть багажник.

А затем вернулся за руль автомобиля, в салоне которого теперь царила тишина.

Оба его брата спали.

Телефоны перестали звонить. К сожалению. Он бы с удовольствием схватил сейчас трубку и разобрался с какой-нибудь решаемой проблемой, вычеркнул *хотя бы что-то* из списка. Однако он знал, что вопросы, улаженные сгоряча, на деле редко оказывались действительно решенными. Именно поэтому у него все еще была работа.

Так что вместо этого он вдохнул ртом десятков-другой раз, потянулся мимо мирно спящего Мэтью, достал из бардачка антацид, принял несколько таблеток и запил их водой из бутылки. Затем протер верхнюю часть руля, на которой скопилась пыль. Пролистал присланные Джордан фотографии «Поцелуя», на котором она заменила лицо героини своим. И

только дождавшись, когда пройдет боль в желудке, он обратился к списку контактов, чтобы снова приступить к составлению плана, претворению его в жизнь и успешному завершению.

В машине было тихо, очень тихо.

Диклан уставился в окно на застрявшие в пробке машины. Он уже никуда не спешил. Бороться бессмысленно. Он нажал на кнопку вызова.

Как только на том конце провода взяли трубку, Диклан сказал:

– Мне нужна твоя помощь.

Как ты узнал об этом месте?

– Удачная догадка.

– Похоже, тебе часто везет.

– У меня хорошая интуиция.

Ронана снова втянуло в мир бодрствования.

Сложно было судить, в помещении он находится или на улице. Единственным источником света служил фонарик телефона; он освещал лишь безвольное тело Ронана, и ничего больше. Как и в прежние времена, его сознание парило над физической оболочкой. Ронан вдруг обнаружил, что всяма трепетно относится к своему человеческому телу. Только взгляните на этого бедного засранца, лежащего на земляном полу. Посмотрите, с какой любовью его кожа украшена татуировками. Он мог сколь угодно долго размышлять, как сильно ненавидит свою жизнь и свое тело, но каждый рисунок на его теле служил маленьким доказательством, что в глубине души он любил свое тело, заботился о нем и пытался изменить его по своему вкусу.

Из глаз, носа и ушей Ронана сочилась черная жидкость.

Благодаря своему нынешнему положению Ронан наконец понял природу ночной грязи, как не осознавал ее раньше. Приступ вызывало не отсутствие силовой энергии, а скорее избыток энергии мира человеческого. Два вида энергии су-

ществовали в равновесии, одна противостояла другой. Его тело, лежащее сейчас внизу, было создано для мира с иной атмосферой, мира, в котором царила магия. Без нее этот мир медленно убивал Ронана. Это не было ни хорошо, ни плохо. Побочный эффект его пребывания здесь, только и всего.

Луч фонарика метнулся в сторону, осветив пространство коридора без окон, способного спровоцировать приступ клаустрофобии. Одна из стен представляла собой кирпичную кладку с остовом каркаса. Другая была из шлакоблока, обильно раскрашенного в цвета, достаточно яркие, чтобы победить темноту. Позади тела Ронана виднелись изображения разноцветной чешуи, когтей и изогнутого хвоста, однако общая картина оставалась скрытой.

По всей видимости, это был тот самый живительный магнит, что привел сюда сознание Ронана. Фреска. Вся стена позади распростертого на земле тела казалась живой благодаря гудящей в ней энергии. И пока она успешно сдерживала ночную грязь.

– Почему это место замуровано? – спросил первый голос. Диклан.

Ронан узнал его.

– Какое?

– Что какое?

– Прости, я не слышу этим ухом. Что ты сказал?

Луч фонарика вновь метнулся, остановившись на лице второго собеседника. Его лицо выглядело изможденным, а

заостренные черты напоминали скорее рисунок, нежели живого человека. Парень бессознательным жестом коснулся уха длинными худыми пальцами. Его волосы были неровно подстрижены, а наряд из отутюженного хлопка и гладкой шерсти слишком шикарным для пыльного подземелья.

Ронана охватил восторг.

Еще до того, как парень назвал свое имя, на него обрушилась одна-единственная мысль: *все будет хорошо*.

Второй голос принадлежал Адаму Пэрришу.

– Для чего здесь построили вторую стену? – спросил Диклан.

– Я предполагаю... – Адам замолчал, затем начал заново, успешно скрывая вирджинский акцент. – Думаю, она появилась, когда возводили пристройку наверху, поскольку потребовалась большая площадь для опоры. Картина – фреска, изначально украшала фасад. Но затем построили новую наружную стену, и фреска оказалась скрыта за ней.

В памяти всплывали воспоминания о несколько ином образе Адама, более юном, менее утонченном. Картинки, притягательные как живительные магниты, проносились перед глазами Ронана. Школа Агленби, ненавистный трейлер, пустая квартира, заброшенный склад в Вирджинии, пологие склоны бескрайних полей вокруг Амбаров. Ночные поездки, волнительные прогулки в темные пещеры, напряженные взгляды из-за школьных парт, прижатые ко рту костяшки пальцев, крепкие объятия на прощание.

Воодушевление Ронана уступало место чему-то более сложному. Он начал вспоминать, что между ними все закончилось плохо. Отчасти хотелось винить в этом Адама – Ронан помнил, как почувствовал себя непонятым и использованным, – но в глубине души он осознавал, что причиной проблем стал он сам. Какое бы будущее ни сулило их яркое, бурное прошлое, теперь оно стало невозможным.

– У тебя есть идеи, почему он спит? – спросил Адам. Парень взглянул на тело и отвел взгляд. Теперь Ронан увидел, что Адам настолько далек от него, насколько это вообще возможно: он даже стоял впол-оборота, словно уже уходил.

В отличие от Адама, Диклан не содрогался, глядя на беспомощное тело брата, хотя выражение его лица оставалось мрачным. Он поспешно наклонился вперед и рукавом пиджака стер с лица Ронана следы ночной грязи.

– Я надеялся, что ты знаешь. Не мог же наш отец его признать. Тогда магнит понадобился бы ему гораздо раньше.

Адам провел пальцем по зашитому краю кармана брюк; там не было дыры, но именно в этом месте она любила появляться. И тогда Ронан заметил часы Адама. Впервые ему удалось воскресить воспоминание так же легко, как и раньше, когда он был в своем физическом воплощении. Он прикинул эти часы для Адама, когда тот уезжал в Гарвард. Это было самое близкое к признанию в любви, что он смог придумать; язык, на котором люди привычно выражали привязанность, всегда казался Ронану не подходящим. Неуклюжим.

Напыщенным. Фальшивым. Ронан изъяснялся другим языком, а свой словарный запас почерпнул из просмотренных на YouTube фильмов. Но часы... часы показывали время в том часовом поясе, где находился Ронан, и кричали о том, что он хотел бы сказать:

Думай о том, где я, – говорили они. – Думай обо мне.

Сейчас стрелки часов не двигались.

Адам по-прежнему не смотрел на Ронана.

– Кстати, а где Бензопила?

– Фарух-Лейн не упоминала о птице, – ответил Диклан.

– Ронан будет в ярости, если с ней что-то случится.

Диклан пробурчал что-то о том, что брат не в том положении, чтобы предъявлять претензии. Ронан пропустил его слова мимо ушей и вместо этого попытался восстановить свои воспоминания о Бензопиле. Крылья, когти. Деревья. Кабесуотер. Линденмер. Опал. Слова и образы, связанные с присненным вороном, стремительно возвращались. Скоро, – подумал Ронан. – Он вернет себе их все. И снова станет Ронаном Линчем.

Ему просто нужно проснуться. Каким-то образом.

– Я дам тебе ключ от помещения, – сказал Адам Диклану. – Только приходи, когда в магазине никого нет, и тогда проблем не будет.

– Как часто ты здесь работаешь?

Адам покачал головой.

– Ох, нет. Я не смогу. Не стану... Я показал тебе это место,

но не собираюсь, типа, не смогу сюда приходить...

Тон Диклана стал холодным и деловым.

– Он собирался переехать сюда ради тебя.

Они стояли лицом к лицу, а между ними пролегла пропасть. С одной стороны – страна взрослой жизни, где жил Диклан, на лице которого сейчас читалось разочарование и осуждение. С другой – туманный мир, объединяющий в себе все то, что осталось в юности. Там остался и Адам. Он неуверенно нахмурил брови, еще раз посмотрел на Ронана и снова отвел взгляд.

– Послушай, – сказал Адам, – Ронан сделал свой выбор. И он выбрал не меня.

Это показалось Ронану глубоко несправедливым. Мир сделал выбор за него. Черное пятно на рукаве Диклана служило тому доказательством. Предоставленный самому себе, Ронан выбрал Адама, он не сомневался, что выбрал его. Разве он не приехал в Кембридж, хотя ненавидел города и обожал Амбары? Разве он не играл в карты с новыми гарвардскими друзьями Адама, хотя ненавидел и их тоже? Разве он не составил список квартир, которые собирался осмотреть, разве он не пытался?

– Ронан был не в себе, – сказал Диклан. – Он находился под влиянием Брайда.

– У него неприятности в школе, ты просишь Ганси их уладить. – Тон Адама был сухим, горьким, хорошо знакомым Ронану. – Ронан попадает в передрагу здесь, ты винишь

Брайда. А ведь если разобраться, именно Брайд *его* жертва. Он делал то, для чего был создан.

Диклан скорчил гримасу.

– Грезы – самостоятельные люди. Они могут принимать собственные решения.

– Жаль, что Ронан спит и не слышит тебя, – сказал Адам. – Было время, когда эти слова много бы для него значили.

Сколько раз Ронан и Диклан ожесточенно ссорились из-за их спящей матери Авроры. Сколько яда было пролито. Сколько безумных ночных поездок совершил Ронан, пытаясь убежать от аргументов брата: Аврора была никем без Ниалла, а значит, и с ним она тоже была никем. Сколько он потерял дней, которые мог провести с матерью. Только из-за того, что Диклан приложил все усилия, пытаясь свести к минимуму ее влияние как личности, вместо того, чтобы копнуть глубже в мир грез и узнать о существовании живительных магнитов. Что, если, что, если, что, если?

Диклану хватило благоразумия принять страдальческий вид.

– В любом случае, хорошо, что теперь я об этом знаю, – сказал он.

– Да, я тоже так думаю, – признал Адам. Он снова взглянул на Ронана, явно борясь с самим собой, и наконец пересек коридор и подошел к нему. Присев на корточки, парень расстегнул ремешок приспанных часов. Ронан сразу же догадался, что происходит.

Нет.

Он положил ставшие бесполезными часы на запястье Ронана.

Нет.

Застегнул ремешок, проверяя, не слишком ли туго его затянул.

Нет.

Осторожно, не привлекая внимания Диклана, Адам бережно провел пальцами по покрытому шрамами запястью Ронана, по тыльной стороне его руки. Адам сглотнул. Он прощался.

Ронан почувствовал новую эмоцию: страдание.

Адам, нет.

Внезапно Адам низко склонился над распростертым телом Ронана и почти коснулся его уха губами. Слова предназначались только Ронану, а в тесном коридоре Диклан мог уловить даже шепот.

– Post tenebras lux, – прошептал он.

Свет следует за тьмой.

И добавил:

– Tamquam...

Alter idem, – подумал Ронан. У него не было голоса. Голосом обладало тело, безвольно лежащее на полу коридора, неспособное проснуться и хоть что-то сказать.

Итак, Адам сдался без боя. Он протянул Диклану ключ.

В памяти Ронана почему-то возникло четкое воспомина-

ние, не связанное ни с одним другим. Простая деревянная маска с круглыми отверстиями для глаз и разинутым ртом. Она не казалась страшной, но, глядя на нее, почему-то становилось жутко.

– Спасибо за временное решение проблемы, – сказал Диклан, не потрудившись скрыть презрение в голосе. Он сжал ключ в кулаке.

– Если тебе снова понадобится помощь, – сказал Адам с порога, – не звони мне.

Хеннесси снилось Кружево.

Сон о Кружеве не был таким, как прежде. Раньше он неизменно начинался в темноте. Хеннесси не имела веса в этой версии иллюзии. Ни винтик в машине, ни травинка в поле. Возможно, пылинка в сердитом глазу скачущего монстра, моргнул – она исчезла. Но не более того.

Медленно сон озарился, и свет обличил то, что было там все время. Вещь? Сущность. Ситуация. С зазубренными геометрическими замысловатыми и неровными краями, как снежинка под микроскопом. Оно было огромным. Огромным не как шторм или здание завода, но огромным, как горе или стыд.

На самом деле Кружево было не тем, что можно увидеть. Скорее тем, что можно почувствовать.

Затем – и это стало худшей частью сна – Кружево ее заметило. Как ужасно понимать, что тебя заметили. Как ужасно не осознавать, насколько чудесной была жизнь *до* того, как Кружево ее заметило, потому что теперь осталось только *после*. Кружево тянулось к ней, разрастаясь, подобно кристаллам, тонким, как бумага, и острым, как бритва. Его ненависть к Хеннесси была всеобъемлющей. Оно ненавидело ее. Ненавидело саму ее суть. Но больше всего Кружево ненавидело, что Хеннесси владеет тем, в чем оно нуждалось.

Она могла быть для него дверью. Стоило лишь Хеннесси поддаться, и Кружево смогло бы появиться наяву, чтобы уничтожить все живое.

Долгие годы девушка бросала ему вызов, и на протяжении всех этих лет Кружево наказывало ее за непокорность. Зазубренные края пронзали ее кожу, как тонкие иглы, оставляя после себя миллионы крошечных, сочащихся кровью проколов. Она становилась проницаемой. Как Кружево.

Однако с тех пор, как Хеннесси отключила силовую линию, все изменилось. И не только потому, что она при всем желании не смогла бы приснить Кружево.

Само Кружево изменилось.

Засыпая, теперь Хеннесси по-прежнему видела фигуру с зазубренными краями, продолжающую разрастаться и заполнять собой темноту. Оно по-прежнему было острым и смертоносным. И все еще представляло реальную угрозу. Однако дело было в другом. Страх пропал. Она чувствовала, что видит во сне не настоящее Кружево, а лишь воспоминание о нем. Без пронизывающего ужаса и боязни поддаться минутной слабости и уничтожить мир. Монолог Кружева теперь напоминал список дурных мыслей, и без того крутящихся в голове Хеннесси.

Ты разрушила отношения с Джордан, – шипело оно. – Без тебя ее ждет прекрасное будущее. Но ты ведь и сама это знаешь, верно? Как только ты останешься в зеркале

заднего вида, она не вспомнит о тебе ни на секунду. А ты будешь скучать по ней вечно. Достаточно времени, чтобы решить, что хуже: умереть в одиночестве или провести в одиночестве жизнь.

– Опять поешь старую песню, ее слова мне давно знакомы, – ответила Хеннесси.

Кружево взбесилось. Тело пронзила боль. И она позволила, ведь это всего лишь боль. Хеннесси умела с ней справляться.

Только боль. Никакого страха.

* * *

Девушка, вздрогнув, проснулась.

– Ох, а вот и она, – проговорила Хеннесси.

Буквально в паре дюймов от нее сияли огромные карие глаза Кармен Фарух-Лейн. Как обычно, ее прекрасный взгляд был полон осуждения, от чего девушка напоминала карающего ангела. Он заметил, что Хеннесси проснулась, и прищурил свои поразительные глаза.

– Нельзя круглые сутки спать, – сказала Фарух-Лейн.

Типичная Кармен Фарух-Лейн. Хеннесси знала девушку всего несколько дней, но чтобы ее раскусить, много времени не потребовалось. Кармен Фарух-Лейн любила правила. Любила правила, придуманные людьми. Любила правила, придуманные давным-давно и другими людьми, из другой вет-

ви власти. Тогда ей не приходилось много думать о том, насколько умны эти люди, придумывающие правила.

Вот лишь некоторые правила, которые Фарух-Лейн уже попыталась навязать Хеннесси: питаться следовало ежедневно в одно и то же время, не разбрасывая при этом недоеденные куски по всему дому. Спать следовало ежедневно в одно и то же время, не проваливаясь в сон урывками по всему дому. Одежда должна соответствовать температуре воздуха за окном. Укороченные топы не лучший вариант для холодной погоды. меховые пальто – не домашняя одежда. Мебель должна использоваться в соответствии с замыслом ее создателя. На диванах сидеть можно, на столешницах – нет. Стоять можно на табурете, но не на столе. Для сна предназначены кровати, а не ванны.

Зеты всегда «за» убийство, кроме случаев, когда они «против».

Правило Хеннесси почему-то не показалось Фарух-Лейн смешным.

– Восьмичасовой сон – выдумка для работяг, – поделилась с ней Хеннесси. – Если спать восемь часов, и не больше, останется шестнадцать, простая математика, шестнадцать, верно? Восемь плюс шесть получится... да, правильно, время, чтобы работать на дядюшку Сэма. Сорокачасовая рабочая неделя и восьмичасовой сон – они пара, понимаешь? Они женаты по воле корпораций, давших им в приданое страдание; человек должен жить подобно леопарду, лежащему весь день на

дереве, кроме...

— Кармен, я приготовила нам с собой бульон! Хеннесси, думаю, тебе тоже понравится, — донесся из кухни мягкий хриплый голос Лилианы.

Именно так на данный момент обстояли дела в их неблагополучной семейке. Мать Фарух-Лейн устанавливала правила. Вторая мать — Лилиана, деликатно разряжала обстановку. И прилежная приемная дочь Хеннесси, вызванная на беседу, поскольку провинившиеся Матери лишили ее оружия и теперь пытались загладить вину, кормя с ложечки правилами и любовью.

Хеннесси не вчера родилась. Она знала, что такое обуза.

Последние несколько дней они втроем жили в доме с черепичной крышей в отвратительно уютном пригороде Бостона. Было очевидно, что дом выбрала Лилиана, поскольку ей он нравился больше всех. Она напоминала степенную древнюю богиню в женском обличье. Ее кожа выглядела настолько бледной, что при свете дня казалась зеленоватой. Лилиана почти всегда носила бирюзовую ленту, с помощью которой убирала свои белоснежные волосы назад. Хеннесси могла с уверенностью сказать, что не существовало домашней работы, которая не пришлась бы этой женщине по душе. Она часами варила бульоны. Вязала шарфы, свитера и сумки для шарфов и свитеров. Обожала горячие напитки и так называемые специи для глинтвейна. Комнатные цветы распускались от ее прикосновения. Дети успокаивались от ее взгляда.

В общем, от Лилианы исходили настолько сильные вибрации любви и покоя, что Хеннесси поначалу тоже успокаивалась, а теперь чувствовала себя так, словно ей на лицо положили подушку, а ноги вот-вот перестанут брыкаться. И похоже, Лилиана с Фарух-Лейн пребывали в отношениях «роман мая с декабрем». Хеннесси не осуждала, просто у нее были вопросы.

– Нам нужно уладить одно дело. Не желаешь составить компанию? – спросила Фарух-Лейн.

– Я вступила в стадию отрицания желаний, – ответила Хеннесси. – Мне кажется, именно это имел в виду Будда, когда сказал: *«желание – корень всех зол»*.

Лилиана появилась из кухни и протянула Хеннесси дымящуюся дорожную кружку. Она выглядела как самая идеальная бабушка, которую только можно представить, ее глубоко посаженные глаза лучились мудростью и добротой.

– Хочешь поговорить о своих чувствах? Милая, у тебя на лице написано, что пока нас не было, что-то случилось.

Лилиана повела себя так мило, что Хеннесси сразу же захотелось сделать ей гадость. Она попыталась сдержать свой порыв.

– В кружке суп? Я должна его проглотить? Похоже, я не в настроении для супа.

– Он полезен, – сказала Лилиана, а Фарух-Лейн добавила:

– Для человека, который три дня ничего не ел, а только пил пиво. Дешевое пиво.

Но Хеннесси лишь отмахнулась от их слов и спросила:

– А что за дело, о котором шла речь? Реальная работа или просто забавная фигура речи, подразумевающая что-то увлекательное вроде похода в клуб или кражи лошади?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.